

25-го марта 1928 г.
ПРАГА

КАЗАЧЕСТВО
КОЗАЦТВО

8

8

ВІЛЬНЕ
ВОЛЬНОЕ

25-го березня 1928 р.
ПРАГА

О Г Л А В Л Е Н И Е.

1. Павел Поляков: Стихи.
2. Юрий Гончаров: Стихи.
3. Ф. Полк: Осень. (Стихи).
4. Дальвей-Бей: Стихи.
5. Константин Поляков: Стихи.
6. Нарбеков: Ключково горе.
7. Алексей Персидсков: Стихи.
8. П. Покотило: Стихи.
9. Бѣлэшкэ: Кишиктэ.
10. И-ф Б-ов: „Иван“ нашего времени. (Стихи).
11. Два метода.
12. Гн. Б.: К. Л. Бардіж.
13. Мих. Минаев: Очерки по истории аграрного законодательства в Земле Войска Донского.
14. И. Вихлянецв: Казачье студенческое дело за границей.
15. Вл. Куртин: Казачья песня.
16. Шамба Балинов: Положение калмычки в семье и обществе в прошлом и ее судьба в последнее десятилетие.
17. Т Стариков: Значение местности. (Окончание). Управление боем.
18. Печать о „Вольном Казачестве“.
19. Международная жизнь.
20. Казачья эмиграция.
21. В Казачьих Землях.

Открыта подписка

на двухнедельный журнал литературный и политический

„Вольное Казачество“

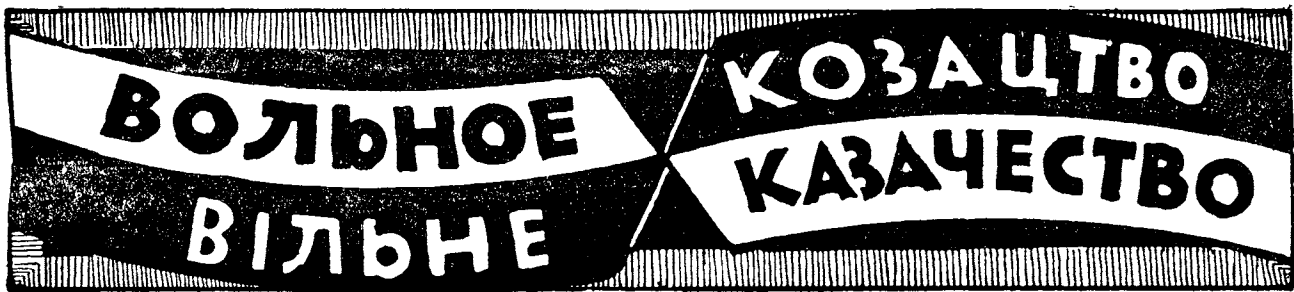
— Вільне Козацтво —

Условия подписки:	на 3 мес.	на 6 мес.	на год.
В Чехословакии	18 кр.	35 кр.	60 кр.
В Польше	4.5 зл.	8 зл.	15 зл.
В Югославии	25 дин.	40 дин.	80 дин.
В Болгарии	50 лева	80 лева	150 лев.
Во Франции	15 фр.	25 фр.	40 фр.
В других странах	75 ам. ц.	1 ¹ / ₂ ам. д.	3 ам. д.

КОНТОРА: Praha - Žižkov, Jagellonská 24, Tchecoslovaquie.

Цена отдельного № в розничной продаже:

В Ч.С.Р. 3 кр.	В Болгарии 10 лева
В Польше 0.75 зл.	Во Франции 2 фр. 50с.
В Югославии 5 дин.	В других странах 15 ам. ц.

Двухнедельный журнал литературный и политический.

Выходит 10-го и 25-го числа каждого месяца.

Под редакцией И. А. Билого и М. Ф. Фролова.

Год издания второй.

Редакция и контора: Praha-Zižkov, Jagellonská 24, Tchecoslovaquie.

Почтовый текущий счет в Чехословакии 303.997.

№ 8.

Прага, воскресенье 25-го марта 1928 г.

№ 8.

Павел Поляков.
(Белград).

* * *
Тихо... Лишь ветер шумит за оконницей,
Что там... в родимом Краю?
Конница...
 Конница...
 Красная конница
Славит победу свою.
*
Славит победу...
 Гляжу...
 Под иконами
Блики лампадок бегут —
Шашку с ножами осветят скрещенную,
Ярко насечку зажгут.
*
Тихо...
 Темно...
 Смотрят лики с укором —
Мнится...
 Он шепчет...
 Он... мне... говорит...
Тени... убитых... по Дону... дозором...
Ходят...
 А Войско — молчит.
*
Спят заржавелые шашки по сням,
В дулах винтовок — гнездо пауков —
Воля и Слава пугливыми тенями
Ищут в степи казаков.
*
Ищут...
 Напрасно.
 Их много... Бессильные
Смотрят на запад и... ждут...
Тени скрываются в зевы могильные,

Тени на помощь зовут.
Слушай изгнанник, отчизны далекой
Разве не слышишь ты стоны и зов?
Степи страданья привольной широкой,
Муки ее казаков...
Гей!..
 Подымайся!..
 Друзей у нас много
Нету цены, что нельзя было-б дать
И за престол Иоанна святого
Снова итти воевать...
Спи мой сынишка — мы славу отславили,
Дома — колыска твоя,
Вместе со степью ее мы оставили
Бросив родные Края...
*
Гей! Кто не любит казачьего слова,
Гей вы — враги казаков —
Знайте! — за шашки возьмемся мы снова
Правды потребуем вновь.
*
Нам не Степаны указка и слава
Знаем мы сами пути,
Сможем рассыпаться бешеной лавой,
Сможем свободу найти.
*
Что ты проснулся сынишка любимый
Спи, на чужой ты земле.
Мы за свободу просторов родимых
Кончим бороться в... Кремле.
— — —
Меркнет лампада... Темнеет оконница...
Что там?.. В родимом Краю?
Конница...
 Конница...
 Красная конница
Славит победу свою.

Юрий Гончаров.
(Брно).

* * *

Узор летящих листьев, парка лик мгновенный
И тонкое лицо, как сон звенящих струн,
И алый женский рот изогнутый надменно
Я заключил в овал, завистливый колдун.

У ног я начертал причудливые руны
И на скамье поник, закутавшись во сны.
И мимо нас прошли чредой скользящей луны,
Тая холодный страх в обличьях вырезных...

Следя полет веков, предав свой мир безмолвю,
Вплетясь в ажур дрем за сказочной межой,
Я вижу тот-же взгляд под прихотливой бровью,
Понявший злую мысль — надменный и чужой.

5/XI-27.

Дальвей-Бей.
(Югославия).

* * *

Украла дали тьма ночная
И задушила голоса.
И мысль печали, мысль больная,
Мне отуманила глаза.
Я, отрешенный и скорбящий,
Ушел тогда бродить во тьме,
И мрак холодный и томящий
Меня об'ял, как сон в тюрьме.
О, братья, братья!.. Не то-ли горе
Нам разрешит судьбу страстей?
Пусть тьма огромна, пусть тьма, как море:
Мы не боимся ее сетей..
Чем больше мрак, чем глубже ночи,
Чем страх сильнее в опасный час, —
Тем радость света больнее в очи
И счастье ярче захватит нас...

Нарбеков.
(Париж).

Клочково горе.

В Рождественский сочельник дед Гаур ушел в станицу договариваться об аренде своего земельного надела, а дед Клочок, оставшийся один в кладбищенской сторожке, привел в порядок незатейливое хозяйство, принес воды, приготовил дров на завтрашний день и из экономии не зажигая лампы, стал ожидать сожителя, чтобы вместе повечерять и лечь спать. Одному есть не хотелось, ко сну тоже не клонило.

Давно уже была ночь, а Гаур не возвращался. Клочок сел у стола, снял чирки, положил их под лавку и надел свежие чулки.

— Где же это он запропастился? — досадовал Клочок. — Ну, и погода... Рождество будет студеное и ясное — к неурожаю... Может, и переменится к утру — у Бога всего много...

Потом встал и посмотрел в окно. Налево от сторожки начиналось большое, но убогое станичное кладбище, направо — два длинных, похожих на огромные гробы, общественных хлебных амбара, а дальше стлалась снежная степь. Светло было, как днем. Ветер рвал оголившийся во время дневной оттепели песок, смешивал его со снежной пылью и уносил в станицу. Деревья на кладбище бешено и беспорядочно тре-

Ф. Полк.
(Югославия).

О С Е Н Ь.

Долгая скучная осень печальная.
Листья опали, завяли цветы —
Ветра осеннего песнь погребальная
Грустные будит мечты...

Тучи осенние медленно движутся,
Серо, уныло и тихо кругом...
Лай лишь далекий порою послышится —
Листья шуршат за окном.

Константин Поляков.
(Брно).

* * *

Новую песню пропели мне вихри,
Много сулит мне шопот лесов...
В сердце испытанном боли затихли...
Прошлое — в строчках забытых стихов.

Взгляд мой играет на гранях бокала
Высох один — наливаю другой!
Крепко вонзилось проклятое жало
В память вклинился образ чужой.

Воли кремневой могучим каленем
Выжег я образ в уставшем мозгу.
Горькой усмешкой, полной презренья
Я проводил — кокетку мечту.

Новые шляхи, иные желанья
Волю мою полонили в тиши,
Сердце украли — кровавые брани, —
Чашу страстей я давно осушил...

15/II—28.

пались. Тени их скользили по оголенным желтоватым могилам, и Клочку казалось, что не тени, а могилы движутся, и что колышется вся эта огромная толпа крестов, похожих на хрупкие и печальные существа, мягко блестящие в лунном свете.

— Господи, Твоя воля... — прошептал Клочок и снова сел на лавку. Ему чувствовалось не по себе. Он поджал ноги и долго сидел, не двигаясь.

— Уж не заболел ли я, может простудился? днем в лесу, промолил ноги... Бояться? Чего бояться?... С нами крестная сила! Двадцать лет тут живу, — никогда не боялся, — шептал Клочок.

Но наряду с этими лезли другие мысли:

— Ныне сочельник, Святые вечера начинаются. Нечистая сила теперь прет изо всех дыр. Чтоже сочельник? Двадцать сочельников прожил — не боялся...

Действительно, Гаур и Клочок двадцать лет прожили в сторожке, привыкли к кладбищу и смотрели на него, как смотрит хозяин на свой двор... Давно уже они облюбовали себе и местечко для могилок, куда они с Гауром перейдут на вечное житье. Перейдут как жили, — тихо и ни для кого не заметно.

— Никому мы с тобой, Ионыч, не нужны, — говорил Гаюр, — ни детей у нас, ни ветвей. Умрем и некому вспомнить. Как камень: оторвался от берега, булькнул в воду — и конец: никакого следу...

Так и сошли бы Гаюр и Клочок в могилу с душами ясными, несмятенными. Но последний год, год гражданской войны, всколыхнул и замутил их незатейливую, но стройно налаженную жизнь.

Загудели пушки в степях... Ахают, а земля тяжело вздыхает. Присмирели станицы и хугора. Тоска, как осенний туман нависла над Доном. Потом из степей приволокли пушки на левый, нагорный берег реки и стали посылать смерть на правую, луговую. Залетали снаряды и на кладбище. Гаюру и Клочку не раз приходилось, вместе со всеми, спастись в дальних садах и в песчаных кочугурах*).

Население кладбища быстро увеличивалось. Каждый день оттуда неслись похоронное пение и плач, а в станице почти неумолкаемо гудели за душу хватающие, тягучие звуки колоколов. Перевернулось все в мире. И небо, и степи, и станицы — те же, да не те, точно их подменили. На серо зеленых поlynных степях, что уходят в бескрайные дали и видны из лугов, как на ладони, мчатся гибкие конные лавы, извиваются пешие цепи, гремят пушки... Ожили сказки. Вышли из рассеянных по степи курганов-могил древние воины и вновь бьются за обладание Тихим Доном.

— Последние времена, Ионыч, — говорил высокий, осанистый Гаюр, похожий на монаха из раскольничьего скита. — Брат пошел на брата. Конец Дону, Ионыч — из старины сказано: Кровью Дон взят, кровью и отдан будет... Валом валит лапоть и не любит он казаков...

А когда пошли слухи о большевических гонениях на религию, о пятиконечной звезде, о том, что многие носят эту звезду отпечатанной на теле, суровый Гаюр коротко и убежденно отчеканил: — Конец, Ионыч, — пришел антихрист. Прогневали мы Господа Бога!

Ежил и сжимался маленький, лохматый Клочок под Гаюровыми словами, как под ударами хлыста...

Как раз этой осенью на кладбище зарыли расстрелянных, по приговору стариков**), Кузьку Скокова с сыном. Страшный был человек этот Кузьма; много людей он покалечил, немало и на тот свет отправил. Боялся его смертельно Клочок, особенно боялся его длинных, редких, как у волка, зубов. Расстреляли Кузьму за то, что, вместе с сыном, ни за что ни про что убили молоденького офицера — просто под пьяную руку бедняга попался.

Могилу Кузьмы была на другой стороне кладбища, но Клочок видел ее, видел не глазами, а спиной; видел, что она так же движется, как другие, так же колеблет новый деревянный крест.

— Не место разбойнику такому, душегубу, на кладбище. Будет теперь нераскаянная душа мытариться по свету... Как пойду за дровами в лес, осиноый кол срублю и забью в могилу. Вернее будет...

По спине Клочка пробежал мороз. Он вдруг почувствовал, что за окном стоит Кузьма. Высокий, сильный, с редкими и длинными, волчьими зубами и маленькими злыми глазами. Чувствовал Клочок, что и лик Спасителя с божницы смотрит в окно и тоже видит Кузьму.

— Да воскреснет Бог и расточатся врази его, — взмолился Клочок, потом стал читать „Отче Наш“, „Богородицу“, — все молитвы, какие знал. Ветер выль в трубу, ставни скрипели, а проклятый Кузьма стоял за окном и зло смотрел на Клочкову спину. Глянул Клочок в дальний угол хаты; висевшая там старая Гаюрова шуба с козым воротником превратилась в седобородого старика. Толстая, давно небеленная печка как будто начала двигаться.

Клочок тихохонько надел шапку, лежавшую на столе. Ноги опустелись под лавку и зацепили чирички. Клочок нагнулся и стал завязывать оборки.

*) Кочугуры — песчаные валуны.

**) В 18-19 годах на Дону действовали Суды спасения Дона, организованные из местных казаков-стариков.

„Да воскреснет Бог и расточатся врази его“, — молился Клочок. — Господи, чего бояться? Чирички надел, оборочки подвязал... Господи, чего бояться? Люди свои, земля наша, Господи, чирички...

Страшный порыв ветра схватил с крыши клоч соломы и метнул его в окно. Сорвался Клочок с лавки, бросился вон из хаты. Хлопнул дверь и растянулся на льду.

— А-а! Караул! — дико завопил Клочок, вскочил и, как безумный, метнулся в станицу по сверкающей обледенелой дороге. Клочок летел без шапки, одна нога в чирике, другая в чулке. Ветер раздувал полы легонького пиджачка и трепал седые волосы и бороду. По небу мчались тонкие, как паутина, багровые облака, а толстощекая луна злобно дула Клочку в спину.

— Да воскреснет Бог, и расточатся врази его! — вопил Клочок. — Господи, чего бояться, чего бояться... чирички надел, оборочки подвязал. Господи, чего бояться — земля наша, люди свои... Ветер срывал звуки у самого рта и бросал их в степь.

Мелькнули угрюмые закопченные кузницы. Приблизались крайние станичные двory. Плетневые сараи и базы скрипели, подзаборный бурьян сухо трещал. Из всех щелей, казалось, ползла нечистая сила, злобно и жадно тарасила глаза на детешего, как вихрь, Клочка. Вправо — бурьянистый залитый лунным светом пустырь с нежилой, похилившейся хатенкой посредине. Когда-то тут жила ветхая, одинокая старуха. Она давно умерла. Забор растащили, а хата продолжала стоять. Сейчас она с пустыми черными дырами окон и дверей, с крышей, сбившейся на бок, до жути напоминала Клочку бывшую хозяйку — старуху. Клочок опустил вниз глаза, наддал еще и бешено пронесся мимо хаты.

Да воскреснет Бог... а-а-а... чирички надел, оборочки подвязал... — вырвалось в последний раз из его груди, и Клочок через узенький переулок вылетел на широкую, блестящую льдом улицу, чуть не зацепил высокую фигуру Гаюра и помчался дальше.

— Стой, куда? — крикнул ошеломленный Гаюр, но Клочок не слышал. — Стой! — властно прогремел Гаюр. На этот раз Клочок услышал и остановился. Гаюр быстро подошел к сожителю.

— Что с тобой, дурья голова, куда летишь, как оглашенный?

Бедный Клочок тяжело дышал, глядел на Гаюра вытаращенными ничего не понимающими глазами и молчал.

— Уж не спятил ли старый с ума? — подумал Гаюр, взял Клочка за плечи, потряс его и мягко спросил: — Да что с тобой, Ионыч?

— Я, я... пройтись.

— Куда пройтись... в половину ночи? Летишь, как бомба.

— Я за табачком... к Крупатке.

— К какому Крупатке? Перекрестись — ты же знаешь, что уже два года, как он умер... А одет-то — собаки, чтоль тебя рвали? Опомнись, Ионыч, что ты в самом деле?

Клочок стоял и трясся от страха и холоду. Правая нога его была в чулке и чирике, а левая босая. Пиджачок расстегнут, шапка потеряна. Гаюр переобул правый чирик на левую, голую ногу, засегнул пиджак, а своим теплым пуховым шарфом закутал Клочкову голову, потом прикрыл сожителя полой своей огромной шубы и повел его, как ребенка, домой.

Гаюр догадывался, в чем дело, и не расспрашивал Клочка, понемногу начавшего приходить в себя: Старухина хата ему уже не была страшна и полнощекый месяц вовсе не казался сердитым.

По пути собирали Клочковы доспехи. Нашли сначала растянувшийся на дороге чулок, сняли с бурьяна шапку, а когда пришли к сторожке, то увидели висящий ущемленный за оборку чирик. Гаюру все стало ясно.

Так бы и прошло бесследно Клочково приключение — с кем грех да беда не случается. Но в станице скоро все узнали. Разболтал, конечно, сам же слово-

охотливый, или, как его называл Гаюр, реденький Клочок. Много было смеху, шуток. Но с тех пор Клочку показаться в станицу нельзя было. Как завидит детвора, так и начнет кричать:

— Господи, чего бояться? Земля наша, люди свои — чирички надел, оборочки подвязал.

Сначала Клочок пробовал гоняться с палкой за шалунами, но от этого было хуже.

Рассыплется детвора, а затем опять лавой и с тем же криком вьет около старика.

И кончил тем Клочок, — что перестал совсем ходить в станицу.

Алексей Персидсков.

(Брно).

* * *

Жизнь затмилась моя молодая,
Потонула во мраке ночном.
Эх, ты, доля моя золотая!..
Кутежи да похмелья вином.

И вдруг вспомнишь за водкой родное:
Тихий Дон да седой ковыль,
И Казачество, песни, бывшее,
Нашу вольную, буйную ширь...

И потянет тебя на просторы
Золотых черноземных полей
И в столицу былую — Раздоры,
В тень родную степных куреней.

Пронесется отряд многоликий
Атаманов — зипунных бойцов,
Что водили на подвиг великий
Наших прадедов, дедов, отцов...

20/XI—26.

П. Покотило.

(Подобралди)

* * *

Гей Кубане, краю рідний,
Твоя слава не вміра, —
Гомін сурм твоїх побідних,
Серце наше відчува!

Гей Кубане, наша мати!
Вірні всі твої сини,
Як один підуть вмірати
В бій за щастя Вітчизни!

А в далекій цій чужині
Ми тобою лише живем,
За твої станиці вільні
Буйні голови складе...

Ген по всіх світах просторих,
Де лиш є твої сини, —
Там співають дружнім хором
Про Кубань свої пісні!

Гей Кубане, краю рідний,
Наша славна Вітчизна, —
Гомін сурм твоїх побідних
Вже збудив нас всіх від сна.

Бёлэшкё.

Кишиктэ¹⁾.

(Былъ).

Это было жалкое существо с моргающими, смеющимися глазами, мелкими чертами лица и худощавым телом. Ее всегда темный „кюлтэ“²⁾ сидел мешком. При ходьбе раскрывались полы его и показывались темно-синие нанковые шальвары и голенища ее мужских сапог (тогда носили ботинки с пуговицами — она избежала хлопот с ними).

Редкие, черные волосы, заплетенные в две косы по старинному обычаю вдеты в „шибэрлэк“³⁾. Отложной воротник „хальмак“⁴⁾ женской рубашки всегда смятый и грязный прикрывал ее жилистую худую, смуглую шею.

Она жена бывшего атамана станицы, свирепого калмыка Санчира, редкого по энергии и смысленности, в высокой степени упрямого и жестокого при исполнении задуманного. Его помнят во многих видах: то в одной ситцевой рубашке с расстегнутым воротом, подрезающего фруктовые деревья в собственном саду, то сидящего на балконе своего дома на берегу балки Богла в х. Потаповском с трубкой в зубах, босого. Еще появлялся он в черном длиннополом сюртуке из лучшего русского сукна в передней Н-ской гимназии повидать племянницу жены. С ним любезно раскланивалась начальница гимназии, красавица В. А. Г-ва.

Гордо откинута голова и осанка могли быть предметом зависти многих дипломатов того времени. Имея

властный характер, не терпящий возражений, он составляет в своем хуторе замолчать не только помощью закона, но и своим собственным кулаком. Он верит в свой ум и силу. Долгие годы ведет ссору с бакшей своей станицы, не считаясь с мнением и толками религиозных людей. Всякие неудовольствия, недомолвки не только в семье, но и вне он разрешает единым способом — избиванием жены.

Однажды после таких побоев жена его со сломанным ребром и синяками на всем теле, убежала к своей матери в другую станицу. Собрались родственники ее и решили, что закон может быть защитой слабой женщины и подали в суд. В окружной станице, где находилась Кишиктэ, до решения суда встретился без свидетелей Санчир с женой и запел ей райские напевы. Он говорил ей, что теперь бить ее не будет, что жизнь будет совсем иная, что дети плачут по ней. Он употребил хитрость. Стал восхвалять ее доброе сердце и рисовать несчастное положение покинутых детей.

Так как она за детьми уже стосковалась и поверила его обещанию больше не бить — согласилась помириться и прекратить дело в суде. Вернувшись домой она снова и еще с большими унижениями была избиваема, но уже не повторяла попыток к бегству, решив подчиниться своей судьбе.

Когда то она была жизнерадостная, доверчивая и преданная своим родственникам. Про нее говорили, что она „йир элексик“¹⁾. Ее отдали за Санчира — моло-

¹⁾ Имя со значением богатая, счастливая.

²⁾ Женское платье.

³⁾ Черные сумки для косы.

⁴⁾ Калмыцкой.

¹⁾ Т. е. у нее сильно развито родственное чувство.

дого урядника, вернувшегося со службы. За три с половиной года военной службы сильно меняются не только внешне, но и духовно. Некоторые из них гонятся за внешним блеском, презирают своих отставших родственников за их обычаи, одежду, верования и первым делом требуют удаления жены, если таковая его дождалась. У Санчира также была жена и ждала его годы, но он, вернувшись, решил ее удалить, чтобы начать совсем новую жизнь. Тогда он и взял вторую жену Кишиктэ.

Богатство, власть и сила мужа — ее основное счастье. Она подарила ему четырех детей. Первенец-мальчик умер, остальные живы. Теперь Санчир богат и силен, детей обожает, но жену держит в страхе и трепете перед своей персоной. Сеет Санчир 200—300 десятин, имеет сотню голов скота, 30—40 лошадей, 10 десятин фруктового сада. Во время жатвы держит сотни рабочих. Он умеет заставить работать с рассвета до позднего вечера, становится в ряды и хлебает кандер с салом и пшеном — свою выгоду соблюсти он всегда умеет.

Видела Кишиктэ, что с каждым годом его деспотизм растет, но бороться она не была в состоянии — не хватало ни умения, ни характера. Все ее претензии в воспитании детей в духе старых традиций вызывали грозный окрик и натывались на его свинцовый кулак.

Он поверил в науку и ее благие результаты и решил бесповоротно отдавать детей в русские школы. Но страшное горе принесла дочь. В 12—13 лет со 2—3 класса окружной школы у старшей дочери Бадьмы стал развиваться туберкулез легких. Тихо плакала мать, шепталась с соседками и близкими, обвиняя мужа, т. к. слепо верила, что „оросы“¹⁾ привили болезнь дочери, что не отдай ее в школу м. б. она бы не заболела. Грозно метался отец. Он из'ездил по всем знаменитостям и нашел выход. Наплевал на все „свои“ средства и отвез ее в санаторию для легочных в Сухум-Кале на берегу Черного моря.

Там она выросла в девушку с сильной волей, установившимися убеждениями и эгоизмом безнадежно больного. Будучи от природы даровитой она сумела развиваться, пользуясь средствами и досугом. В летнее время приезжала она в родное гнездо и здесь обнаруживала начитанность. В ее маленькой библиотеке были Толстой, Достоевский и другие русские классики, отчасти и иностранная литература.

Было удивительно видеть Санчира с дочерью. Он брал ее, большую, на руки, называл самыми нежными именами, целовал и совершенно соглашался со всем, что она ни скажет. Она боготворила отца и ставила его в пример другим, строго осуждала мать.

Бадьма одевалась „орсар“, т. е. по европейски (по русски). Вкусы и привычки ее мало отличались от той среды, в которой вращалась она в богато устроенной санатории. Интересы средней интеллигенции, чтения и беседы с разношерстными людьми развили ее не по возрасту. В шестнадцать лет она была разочарованной, безразличной и скептически настроенной девушкой.

* * *

В дни ранней юности Нохашка, троюродная сестра Бадьмы, подолгу гостила на летних каникулах в доме Санчира. Комната Бадьмы продолговатая. Спали они всегда с раскрытым окном, выходившим на восток. Обычно мычание, блеяние, шум заставляло их просыпаться и они поднимались иногда довольно рано. Как-то раз проснувшись Нохашка услышала брань и различила голоса Кишиктэ и Санчира.

— Хар толгаган зальга, — кричал он²⁾.

— Сам хар толгаган зальга, — отвечала она. Ну, что же такого? Они курили „арьки“ (самодельная водка) и позвали меня. Я выпила всего две—три „демэ“³⁾.

¹⁾ Русские.

²⁾ Точно: проглотил свою черную голову, т. е. чтобы ты умерла или по просту, чтобы ты издохла.

³⁾ Деревянная чашечка, каковую казаки называют „чубучейка“.

— И чтобы ты провалилась кишка домбор⁴⁾, чтобы лизла раскаленное железо на том свете!

— Они и вам прислали бутылку, вот вам⁵⁾! Я не одна пила.

— Безрогая корова, ведь напилась же ранним утром! Фу, да и корова несчастная!

Потом все стихло. День обещал быть чудесным. На небе щебетали жаворонки. Солнце только что показалось из-за горизонта. Противоположный берег балки Богла возвышался над садами Санчира, отделенными от усадьбы улицей. Видны были на том берегу постройки родственников Кишиктэ, ее дяди старика Бурул, двоюродного брата Карпа и племянников. Маленький флигелек в две комнаты, небольшая землянка, деревянные сарайчики, скирды сена, огород и глиняная печь для выпечки хлеба. Тут же „гарнушка“ для стряпни: все было, как на ладони.

Вот идет красивый, стройный мальчик Пандя с кнутом, за ним бежит его маленькая, хорошенькая сестренка Агана четырех—пяти лет. Они загоняют телят в сарай на время пока скотину не отгонят подальше в степь. Около „гарнушки“ суетится толстая, высокая Абуна — мачеха этих детей, добрейшее существо в мире. Она дымит и около „орос“ печки. Полы ее рыжие „кюлтэ“ отвернуты и заткнуты за пояс. Видны синие шальвары. Шивирлик ее откинут на спину, на голове черный „джатак“⁶⁾ с „улан зала“⁷⁾.

Пока Нохашка рассматривала эту картину мирной жизни солнце поднялось выше. Абуна, подложив кизеки, засучив рукава быстро-быстро собирает руками свежий помет в небольшую кучку около скирды кизеков и, севши на корточки, начинает месить, а затем, наклонившись и сотрясаясь всем телом, делает „ташсан басан“ — лепные кизеки. В несколько дней они будут годны к употреблению. В полчаса, или еще того менее, дело сделано, она скрылась в балку вымыться.

Бадьма еще спала, когда Нохашка, одевшись, вышла. Кишиктэ несла ведра с молоком в погреб поставить на сметану, русская кухарка ей помогала.

— Мендэ хонута Кишиктэ, как спалось?

— Хорошо, а Бадьма еще спит, много кашляла?

— Нет, я даже не слышала ее кашля.

Кишиктэ скрылась в погреб. В русской кухне что-то жарилось для девочек, из калмыцкой кухни валил дым столбом. В то время вошло в практику иметь две кухни у зажиточных калмыков — одна с обычной плитой, духовкой и русской печью для выпечки хлеба. Калмыцкая кухня имела у тех, у кого не было кибитки и ставилась или из глины, формой напоминающая кибитку с отверстием наверху, или деревянная, а то вовсе приспособлялись в русской же кухне или в сарае. Посреди кухни стоял чугунный треножник, на котором ставился громадный чугунный котел вместимостью восемь—девять ведер жидкости. В стороне стояли принадлежности для взгонки „арьки“ — самодельной водки: корыто, котел-приемник, изогнутая полая трубка — „дорго“. Здесь у богатых людей ежедневно „курили“, т. е. гнали „арьки“.

Сегодня, очевидно, Кишиктэ гонит... Дым шел и через отверстие наверху и в дверь. У двери сидел Санчир. Он курил трубку и подкладывал кизеки под котел с „чигяном“⁸⁾, закрытый половинчатыми крышками и залепленный глиной. Отверстие крыши соединяется посредством „дорго“ с пустым котлом-приемником, меньшей вместимости, также замазанным глиной и имеющим два отверстия. Приемник-котел погружен в корыто с холодной водой. Другое отверстие в большом котле закрыто до поры до времени глиняной пирамидой — „хавхак“. Второе же отверстие в котле-приемнике открыто и в него погружают время от времени „амсур“⁹⁾,

¹⁾ Дословно: несчастная балалайка, по смыслу: пу-стая и сухая, как балалайка.

²⁾ Традиционное обращение жены к мужу „вы“ и обратно мужа к жене „ты“.

³⁾ Круглая женская шапочка с традиционной красной кистью.

⁴⁾ Красная кисть на головном уборе.

⁵⁾ Перебродившее кислое молоко.

⁶⁾ Приспособление для пробы крепости арьки.

чтобы попробовать крепость готового „арьки“. Когда кончается перегонка, обычно на треножнике остается чистый котел для молока. А „чигян“ после перегонки получает название „бозо“ и его цедят для удаления сыворотки — шар усун, а гущу называют „аарца“. Этот „аарц“ очень кислый и в высокой степени полезный для желудка идет для приправы к пище в летнее время, а к осени из него делают сушенки на зиму по имени „аадам“.

Такова примитивная, основная приправа к пище рядового калмыка. „Чигян“, „бозо“, „аарц“, „аадам“ — все кислоты. Что касается до самого „арька“ — водки, то она употреблялась стариками, как домашний напиток, а также при выполнении свадебных и иных обрядов, как дополнение к напиткам вообще.

Санчир, увидев Нохашу, сказал:

— Гоним „арька“, наши родственники отправляют свою невещку к родителям. Мы обещали им „дэмь“ — помощь.

Вернулась Кишиктэ из погреба и, войдя в кухню, взяла „амсур“ и сказала мужу: пора попробовать, уже пар идет. В самом деле, пар валил из свободного отверстия приемника, вода в корыте стала нагреваться. Санчир попробовал, поморщился и сказал, что еще слишком рано. Кишиктэ принесла два ведра холодной воды и долила в корыто,

— А я видела сейчас Абуна... Она просила девочек прийти к ним на чай. Я тоже пойду с ними.

Санчир нахмурился.

— А тебе зачем туда ходить, не видела ты их чай что ли?

— Почему же мне не пойти. Они мне не чужие!

— Пусть твой Карпу не пускает своих коз ко мне в сад, вечером сломали дерево — оно дороже самого Карпу, чтобы он отправился на тот свет, несчастный!

— Скажите, какая брань и злые мысли, ядовитый вы человек, — сказала Кишиктэ.

— Карпу твой и вся твоя родня все паршивые люди!

— Это ваш „сэткил“¹⁾ такой черный, вся ваша душа черна, как дно ада.

— Замолчи ты, безрогая корова, чтобы ты проглотила свою черную голову...

Появилась в белом платье Бадьма и покашливая сказала:

— Курите арьку свою распрекрасную? Нельзя ли перестать это делать?

Миленькая девочка, как хочешь, я запрещу, если тебе не нравится. Только вот обещал „дэмь“ людям.

Мне то все равно, только „бава“ — мама попивает, да и некрасиво все это.

— А как же старинный обычай? Куда „чигян“ девать, как быть без „аарца“, „аадам“? — запротестовала Кишиктэ.

— Будем капусту солить, квас делать, — сказал Санчир.

— Как мужики будем травой питаться, когда есть своя прекрасная сильная молочная пища, — не унималась Кишиктэ.

— Ну, как хотите, только не спорте...

— Девочка, ты выпила ли желтки? — спросил Санчир и направился в русскую кухню. Позвал кухарку.

— Идите чай пить, закусьвать, — сказала Кишиктэ и, уменьшив огонь под котлом, пошла со всеми вместе на балкон. Русская кухарка уж принесла сырые яйца, молоко, русский чай, свежий каймак, масло, какао, калмыцкий чай. Бадьма глотала все, как полагалось в санаториуме. Родители выпили калмыцкого чаю с хлебом и скоро пошли снимать „хавхак“²⁾.

Девушки насытившись пошли побродить в сад, потом перешли ручеек по дощечке и поднялись к Карпу мимо его колодца на уклоне балки.

— Ты против наших обычаев, Бадьма?

— Не всех но очень многих. Много таких, что будь я здорова, поборолась бы.

— Например, эта ваша родственница, что едет к родителям. Она не хотела замуж за этого дурака, но ее отдали.

— Ну да, конечно, принуждать жениться или выходить замуж — это первое безобразие. Будь я на месте этой женщины должно быть давно убежала бы куда глаза глядят.

— А знаешь, они все на нас смотрят так, как и на всех и хотели бы тоже выдать, да за богатого, хотя бы за болвана и, конечно, не спрашивая нас.

— А что пишут в книгах про любовь и т. д., то это считают развратом.

— Ну, про любовь... я считаю что этот номер не про нас писан, — убежденно сказала Нохашка. Вообще мы должны не имать свое собственное, мы можем бороться только с дикостью, а если не дай Бог будут свои чувства, то лучше их убивать вначале. Вообще я, вероятно, сроду не пойду замуж!

— Ты права, но придет время, когда все будет в порядке и не нужно будет делать геройских усилий отдельных личностям, — ответила Бадьма.

— Вот твоя мать...

— Оставь мать. Она сама виновата. Я считаю отца правым и не буду утруждать себя за нее заступаться.

Разговаривая так девушки поднялись к Карпу. Залайка белая собака, выбежала навстречу дети. Пандя радостно смеялся и сморкаясь на ходу говорил:

— Сегодня мы едем на бахчу — тавуусту одчи бидэн!

— Кто едет с тобой?

— Отец берет меня с собой. Хотите и вас он возьмет. Поедемте, не далеко, ведь!

Около „гарнушки“ возилась Абуна с ребенком на руках. Светло-волосый ребенок умыт и причесан, одет в рубашку и полинялые синие штанишки с лампасами. Он только недавно начал бегать. Ухватившись за „шибирлак“ матери он теребит ее.

— Ярмак, отстань ты от меня, — отбивается мать, улыбаясь. Ее некрасивое полное лицо было всегда приятно.

— Мендэ Ермак, — девушки по очереди берут мальчишку на руки. Он не дичится, а наоборот удивлен и заинтересован.

— „Элкени тачана“ — родственное чувство тянет его к вам — решила мать. Все садятся тут же недалеко от „гарнушки“ на посланный старый ковер и полости — „ширдик“. Абуна принесла „джогза“ — низкий столик, на котором появилась красная деревянная миска с кучей горячих пышек, только выпеченных в „орос“ печке. Несет она еще миску каймаку к пышкам.

— Пандя, беги зови „баджа“³⁾ и отца чай пить! Пандя умчался.

— Наар, Ярмак, — зовет она затем мальчика. Станцуй девушкам, а я спою:

Цугар бьяна, цуктан бьяна

Тас бьяна, тастан бьяна...²⁾

Ермак начинает подплясывать, а мать в восхищении от него. Подходит „баджа“ — старик Бурул медленными, соразмеренными шагами и садится на „ширдик“, спрятав в карман кисет с трубкой. Карпу и Пандя также подошли и сели недалеко на полость.

— Пандя, „дэджи оргэ“³⁾ — говорит „баджа“. Пандя снимает шапку, берет „дэджин цекце“ — серебряную чашечку на высокой подставке, становится на одно колено и подставляет чашечку матери. Та наливает чай из котла, кладет кусок пышки и Пандя, медленно поднявшись, уносит в хату это воздаяние небесам. Всякая благочестивая семья до прикосновения к пище воздает должное небесам. Затем Абуна раздает всем чашки-чубчейки желтого цвета и начиная со старика по очереди наливает всем. Девушки молча едят пышки и пьют сытный „хальмак“ чай.

¹⁾ Мысль, совесть.

²⁾ Глиняная пирамида для закрытия отверстия в котле. Снимать „хавхак“, должен обязательно мужчина и это значит, что водка готова.

¹⁾ Почтительное обращение к старшим.

²⁾ Всего имеется, всего вдоволь...

³⁾ Воздай небесам.

— Удивительное дело, говорят в сердце стятого писания сказано, что учение Будды восторжествует над всеми. Правда это или нет? — говорит „баджа“ своим каким то придушенным голосом, обращаясь к девушкам.

— Не знаем „баджа“, что будет, но книг много написано про буддизм у иноверцев, — отвечает более развитая Бадьма.

— Я помню, мой племянник Наран (да переселился его душа в лучший мир) мне говорил, что это так будет, но он умер, а вы еще дети...

Сказал и, помолчав немного, снова начал:

— Мой покойный сын Пахут (да переселится он в

лучший мир) бывало хотел это знать, но он умер и не узнал.

Снова замолчал. Девушки тоже почтительно молчат. Его единственный сын погиб в Японскую войну. Теперь старик жил с племянником. Довольно большой котел стал опорожняться. Солнце поднялось выше. Было около семи часов.

— Я думаю, что это так, — продолжал „баджа“. Учение Будды должно победить, потому что в мире все пусто. Радость ничего не стоит, счастье не постоянно, только в Нирване успокоение. Все мирское временно... Но вы еще дети...

(Окончание следует).

■■■■■■■■■■

И—ф Б—ов.

(Франция).

„ИВАН“ НАШЕГО ВРЕМЕНИ.

И затерянный в народе,
Вдруг исчез Иван.
Как живешь ты на свободе?
Где ты? Эй, Иван!
(„Эй, Иван“ Некрасова).

Из земли поэт восстань-ка
И послушай: — вот
На вопрос теперь лишь Ванька
Свой ответ дает:
„Я не тот. От прежней жизни
Я теперь отвык,
И свирепствую в отчизне:
Я, ведь, большевик!
Раньше я дрожал пред паном
Нынче-ж сам я пан.
Раньше был я полупьяным
А теперь я пьян.
Пьян от водки, пьян от крови
Пьян от ласки баб.
Граблю... Банды наготове...
И в порядке „штаб“.
Стал из бедного безбедным,
Ведь снята узда, —
А на лбу сияет медном
Красная звезда.
В пятерне револьвер блещет,

Сабля на ремне.
Предо мною все трепещет,
Все послушно мне.
Издаю я сам приказы,
Хоть глупее пня, —
И боятся, как проказы
Все теперь меня.
Потому покуралесить
Можем мы, не лгу,
Без суда могу повесить
Расстрелять могу.
Возмущаются в народе
Что я хам и зверь —
Так живу я на свободе,
Я живу теперь“.
Тяжко-ль стало жизни бремя
Иль попутал бес, —
Помню, Ванька, было время
Ты в петлю залез.
Из петли полуживого
Вынули тебя,
Много сделал ты плохого
Жизнь свою губя.
Эх, Иван! Ты славный муж, но...
Если-б только знать
Из петли тебя не нужно
Было-б вынимать.
Бизерта.

■■■■■■■■■■

Два метода.

Около ста лет тому назад знаменитый юрист-государствовед Блюнчли, анализируя противоречия государственных и национальных интересов, пришел к выводу, что разрешение и упорядочение этого вопроса возможно лишь тогда, когда политическая мысль будет руководиться принципом: сколько наций, — столько государств. Каждый народ должен иметь свое национальное государство. И при этом безразлично, отличается ли этот народ от своих соседей особым языком, культурой и т. п. или нет. Важно лишь, чтобы в наличности были: известная историческая общность, совокупность областных или территориальных интересов и, что самое главное, сознание своей обособленности.

Блюнчли был юрисконсультom Швейцарского

Союза и свою схему основал на глубоком изучении истории развития системы швейцарских государств — кантонов, которые, как известно, по населению своему — всего только части соседних великих народов: французского, итальянского и немецкого.

Схема Блюнчли остается действительной и для нашего времени. Теоретически против нее не имеется сколько-нибудь веских возражений; практически — она получила многократные подтверждения в ходе европейской и заокеанской политики.

Наилучшие доказательства в ее пользу дает государственная практика современной Британской империи. Как об этом уже вскользь упоминалось в „В. К.“, расщепление английской на-

ции происходит совершенно точно по методу, указанному швейцарским юрисконсультантом. С благословения британского правительства, а иногда даже и по его инициативе, во всех углах земного шара, в пределах английского государственного владычества создаются суверенные нации, и Британская империя на наших глазах заканчивает свое существование как таковая, претворяясь в своеобразное „сообщество наций“, говоря новым английским государственным термином. И потому, что этот процесс происходит с общего согласия и без борьбы, общие культурные достижения и другие внутренние связи, приобретенные совместно за время общего государственного сожительства, не только не пострадали, но скорее усилились. Политически же Англия, носящая ныне скромный титул Английского Королевства, пожалуй стала более могущественной, так как свободная поддержка „сообщества наций“ обладает более действительной силой, чем механические обязательства вчерашних колониальных и доминальных владений ее.

Совершенно противоположным методом пользовалась Российская империя на всем протяжении своей государственной практики. Российская политика, можно сказать, тоже применяла схему Блюнчли, но предварительное выворачивая ее наизнанку. Швейцарский ученый говорил: каждая нация должна иметь свое государство. Российские политики утверждали: каждое государство должно иметь только одну нацию. А потому, полагали они, все народы Российской империи должны потерять свое национальное лицо и приобрести новое, единое, — российское.

Достигнуть этого старались в разные эпохи разными средствами. В период Московского царства, когда дело шло еще главным образом о преодолении центробежных стремлений в составе великорусского племени, применялись большей частью средства механического порядка, среди которых фигурировали: массовое истребление населения, „вывод“ в Москву местных бояр, купцов, служилых и иных людей, замена их москвичами и т. п. В результате, по выражению Герцена, сбиты были все местные особенности. Старые областные культурные центры, как Тверь, Псков, Новгород Великий и др., захудали, превратившись в глухие провинциальные закоулки; местное политическое сознание безнадежно расплылось, население обнищало.

Позже, в императорский период, когда присоединялись одна за другою невеликорусские провинции, таких примитивных средств применять, конечно, уже нельзя было; необходимо было обратиться к более сложным методам, комплекс которых выразился потом в слове — обрусение. Практически обрусение стало проводиться со времен Петра I; разработано и формулировано оно было Екатериною II в ее „наставлениях“, а после нее легло в основу всей российской политики, вплоть до катастрофы 1917 года. В единой Российской империи должен был быть и

единый народ, одна нация, и сложиться она должна была из всех народов государства, потерявших свое национальное самосознание.

Конечно, этого не случилось и случиться не могло.

Россия не одинока среди государств, которые стремились достичь подобной цели в известный период своей истории. Некоторые из них этой цели и достигали, но это было в другие времена и при иных условиях, когда наций в современном смысле слова еще не существовало.

России не удалось достичь такого результата, во первых, потому, что самый метод к ее времени уже устарел и она опоздала с его применением; во вторых, потому, что самый народ, по образу которого хотели создать единую российскую нацию, не годился для этого.

Основным препятствием к этому явился тот низкий уровень культурного развития, на котором стояли всегда в истории, как стоят и сейчас широкие массы великорусского народа по сравнению с его соседями на западе и на юге Востока Европы. Усилиями могущественного государственного аппарата истреблены были резко выраженные внешние национальные и областные особенности, но национальная и областная стихия не-великорусских народов осталась в неприкосновенности. Осуществлено было механическое государственное единство, но внутреннего сцепления частей усановить не удалось.

Пользы для России, как теперь это ясно для каждого, обрусение не принесло, но вредоносные последствия его были огромные. „Обрусение“ императорского периода было по существу тем же, что и „вывод“ московской эпохи и приводило оно к аналогичным результатам. Народы России, лишённые национальной школы, местной организованной жизни, самоуправления, свободного политического развития и т. п., были духовно и материально обескровлены в пользу мифического общего.

Не дало ничего это и великорусскому народу, ибо и этот народ, как это ни странно, фактически был принесен в жертву все той же мифической, единой имперской нации, не существовавшей и не осуществившейся.

Единая российская нация осталась мифом, недостижимым идеалом всей политики императорского периода российской истории, но внешний фасад ее яркий и выразительный, она все-таки построила. Фасад этот треснул и разломался во время катастрофы 1917 года, но остатки его сохранились и поныне, как в пределах СССР, так и в эмиграции. Фасадом этим была и есть так называемая российская интеллигенция, выросшая и расцветшая на удобренной почти двухсотлетним обрусением почве единой Российской империи.

Других элементов внутреннего сцепления российский метод государственной национальной политики не дал.

К. Л. Бардіж.

Десять років тому назад, 22—III—1918 (9—III по ст. ст.), на Туапсинському молові від большевицьких катів загинув з двома своїми синами, один из найкращих синів Кубані — К. Л. Бардіж.

Мовчки та побожно скидаємо ми шапку в цей смутний ювілейний день перед пам'яттю К. Л. Небагата була Кубань на своїх ватажків в найтрудніші часи, що припали їй на долю. Та і тих небагатьох, яких мала, — загубила. Одні убили Бардіжа, другі — Рябовола. А де ж вони ще?..

— К. Л. Бардіж народився 9 березня (марта, по ст. ст.) 1868 р. Скінчив гімназію, а потім юнкерську школу в Ставрополі, але військової кар'єри не зробив. Уже в чині під'есаула ми бачимо його отаманом своєї рідної станиці Брюховецької. Брюховецький отаман Бардіж чотири рази вибирається кубанськими козаками членом Державної Думи, обирається, не глядячи на те, що „начальство“ „з усієї мочі“ старалось дискредитувати його перед козаками та провалити його кандидатуру. Коли кубанські козаки почали самі будувати собі залізні дороги, — ми бачимо К. Л. серед „учредителей“ Чорноморсько-Кубанської з. дороги, а потім і її директором. Коли прийшла революція 1917 р., К. Л. вертається з Петрограду на Кубань комісаром Тимчасового Уряду. Але, коли Рада прийняла першу Кубанську Конституцію 1917 р. і обрала В. Отамана та Законодавчу Раду, К. Л. Бардіж „подав до демісії“... Раді. „Нині отпущаєші“... поклонився він Раді і був обраний послом Кубані біля Уряду Російського. Але цього свого титула він не використав і с Кубані уже нікуди не поїхав. Для Кубані надходили страшні часи, — це добре передбачав і розумів К. Л.

Зараз всі уже розуміють, яку велику помилку зробила тоді Рада, коли першим отаманом не обрала Бардіжа. Але того не повернеш.

Це він помирих „фронт“ і „тил“ на Раді в грудні 1917 р. Не В. Отаман, не голова Уряду, а К. Л. Бардіж заставив фронтовиків „до землі“ вклонитися своїм батькам... А коли загреміли на Кубані перші большевицькі гармати, К. Л., як Тарас Бульба, з двома своїми синами вирушив на ворога. Правду кажучи, він, тоді приватна людина, виявив стільки енергії, що, напр., „робота“ тодішнього В. Отамана в порівнянні з діяльністю К. Л. була никчемна. Це К. Л. Бардіж оголосив на Кубані сполох, це він засновує тоді куріні „вільного козацтва“ на Чорномор'ї, які зараз же кличе до збройної боротьби проти ворога козачого. Він не переміг, але хто тоді переміг?

27 лютого (по ст. ст.), за день до залишення Катеринодару Радою та Урядом, К. Л. Бардіж з своїми синами вирушив на ст. Ключову. Із-за якихсь непорозумінь, чи то з В. Отаманом, чи то з Покровським, він не пішов з Радою. Доля його далі вже відома: люта смерть від лютих ворогів і його, і синів. К. Л. убитий в той же день 9—III, в який він і народився, це в той день було йому як раз 50 років.

Прийде пора, коли Кубань своїм визволенням з найтяжчої неволі відплатить за Бардіжа; прийде пора, коли кубанські школярі по книжці, що буде написана про життя та долю К. Л., будуть учитись, як треба любити батьківщину...

Гн. Б.

Мих. Минаев.

Очерки по истории аграрного законодательства в Земле Войска Донского.

III.

Грамоты, присланные Войску Донскому по вопросам колонизации, касаются: 1) колонизации внутри самого Войска; 2) внешней колонизации добровольной и принудительной, проводимой русской властью в интересах общегосударственных; 3) разного рода беглых

людей, находивших приют и покровительство в казачьих селениях.

Право Войска Донского свободно распоряжаться своими землями в целях образования новых станичных юртов было нарушено Петром I в 1700 г. В грамоте

от 22 июля 1700 года Петр I писал: „указали мы, великий Государь, вам атаманом и казаком сего настоящего лета верховых донских городков казаков, которые живут по Хопру и по Медведице и по разным рекам перевести и поселить по двум дорогам к Азову: одних до Валуйки, а других до Рыбного к Азову же — по Кундюрье, по Лихой, по Северскому Донцу, по Каменке, по Белой Калитве, по Черной, по Березовой, по Тихой, по Грязной по сколько семей и в котором месте пристойно. А буде вы, Атаманы и казаки, нынешнего лета с Хопра и с Медведицы казаков не сведете и не поселите... и по нашему, велик. госуд., указу те хоперские и медведицкие казаки поселены будут в иных местах“.

В 1705 году Царь снова посылает на Дон грамоту (14 мая 1705 г.) по поводу переселения хоперских и медведицких казаков по указанным азовским дорогам (Валуйки—Азов, Рыбной—Азов), при чем ставит на вид казакам неточное исполнение указа — многие городки поселены не в указанных местах: на р. Айдару — Новый Айдар да Осиновый Ревенек не на шляху, т. е. в стороне, а не на большой дороге и в близости от украинских городов и непрестанно де в те городки от азовских и воронежских работ рабочие люди бегут... а на Рыбенской дороге построились на Тишанке и туда также пошло жителей из украинских городов довольно ж, отчего те городки остались в малолюдстве“. Далее царь объясняет причину перемещения казачьих станичных юртов на Дону интересами государственной необходимости — „для защищения неприятельского и для унятия беглецов и рабочих людей“. В этих же интересах запрещает „и впредь на запольных речках на Московскую сторону Северского Донца без нашего указу никому селиться не велеть“. Таким образом Войско Донское лишалось своего древнего права самостоятельного решения вопросов внутренней колонизации.

Булавинское восстание, во время которого погибла почти половина служилого возраста Войска и уход некрасовцев с Дона в подданство Крымского хана задержали на долгое время потребность в переселении казаков на новые места; этому способствовала также и внешняя колонизация, проводимая русским правительством в интересах русско-государственных.

Около 40 годов XVIII ст. Войско возбудило ходатайство о разрешении образовать новую станицу на р. Донце между Усть-Быстринской и Усть-Белокалитвенской станицами. В ответ на это ходатайство была послана на Дон грамота (15 апреля 1742 г.), в которой поручалося бригадиру крепости Св. Анны Вырубову послать доброго офицера осмотреть „пристойно-ли там и для каких именно резонов новую станицу селить, а чтоб вашего Войска казаки вновь казачьих станиц селить не... лись (пропуск в копии грамоты — очевидно не разборчиво написано, но запретительный смысл ясен из контекста грамоты) ... помня Петра Великого указы и жесточайшее запрещение“.

В дальнейшем время образование донских станиц производилось по высочайшему повелению. В 1775 году кн. Потемкиным была образована в I Донском округе Екатерининская станица, а станица Зимовейская (родина Емельяна Пугачева) была переименована в Потемкинскую. В конце XVIII ст. рыбацкие станы в низовьях р. Дона (от Аксая до моря) Роговской, Гнилой и Щучий или Казачий, населенные б. ч. украинцами, принятыми в казаки, были переименованы в станицы: Сретенскую, Гниловскую и Елизаветинскую.

В начале XIX ст. были образованы станицы Махинская, Кагальницкая, Мечетинская и Егорлыцкая по почтовому тракту из Аксая на Кавказ. Для их заселения были взяты вновь зачисленные в казаки украинцы, бывшие крепостные казачьих станиц (16 сент. 1811 года). Позже, по представлению атамана Платова, (1817 г.) Александр I разрешил дополнительно переселить в эти станицы 300 семей казаков из всех станиц Войска, а в 1824 году (высоч. пов. 23 дек.) было переселено туда же 912 душ украинцев, принадлежавших донским чиновникам и обращенных в казачество.

В 1804 году (указы 23 авг. и 31 дек.) было разрешено построить новую столицу Войска Донского, для чего было представлено 5 проектов: 1) место, занимае-

мое Аксайской станицей; 2) окрестности села Махина (Махинская станица); 3) между станицами Кривянской и Заплавской; 4) урочище Красный Яр при впадении р. Грушевки в р. Тузлов и 5) место, занимаемое Новочеркасском в настоящее время.

Решение вопроса было предоставлено инж. ген. Деволанту, который остановился на последнем проекте; при чем предполагал углубить р. Аксай, но работы по углублению были выполнены неудачно Проект постройки города на месте Аксайской станицы, как наилучший из всех, был отвергнут по следующим соображениям — бугристое место, стеснение города в поземельном дольствии, скученность поселений на 9 верстном участке Дона (3 города и 2 станицы). Новочеркасск был заложен в 1805 году атаманом гр. Платовым.

Внешняя колонизация, т. е. поселение донских казаков за пределами Войска, производившаяся помимо воли казачества, в интересах строительства государства Российского, началась тоже при Петре I в начале XVIII столетия. Войско Донское, теряя свое исконное право на жизнь на своей родной земле, становится матерьялом для колонизаторских устремлений российского государства на юго-востоке Европы.

В 1724 году (грамотой от 20 февр.) Петр I приказал переселить 1000 семей донских казаков на Аграхань и Гребени, по 500 семей „из всего Войска Донского Донецких и Хоперских, Бузулуцких и Медведицких городков по переписным ведомостям“. Закон (грамота) определяет подробности и условия переселения и устанавливает маршрут для переселенцев „а идти им сухим путем с Дона до Терка шляхом, ибо могут забрать при себе пожитки и скотину и в дорогу запасу... а на под'ем оным казакам також и посланным за ними провожатым выдать из штатс-конторы 5000 рублей“ (переселенцам по 4 р. а провожатым по 1 р.). Кроме того от каждой станицы полагалось выдать по 30 руб. под'емных денег на семью. Часть последних денег некоторые станицы не выдали полностью, и поэтому в 1733 году (грам. 16 янв. Анны Иоанновны) предписано было „додать станицам без всякого задержания“.

Второй закон о внешней колонизации был издан в 1731 году (грамота от 15 ноября Анны Иоанновны) о добровольном переселении на Волгу (для образования Волгского или Вольского войска) 1000 семей казаков Войска Донского. Закон был изменен и дополнен последующими грамотами 31 авг. 1731 г. об увеличении числа семей до 1200 и запрещении чинить обиды и притеснения записавшимся, 1734 и 1742 г. г. о принудительном выселении из пределов Войска Донского оставшихся к переселению и, наконец, 1746 г. о разрешении остаться на Дону семьям, записавшимся к переселению и не переселившимся по уважительным причинам.

В 1770 году в связи с заселением гор. Таганрога грамотой от 24 мая было разрешено переселить 300 семей украинцев, приписанных к Войску Донскому на семигривен. оклад. Бригадир крепости Деждерас принял для поселения 263 семьи „не уважая владельцев их старшин и казаков, из коих у одних почти все до единого туда записались, у других по многому без уравнения с прочими числу, а у третьих и совсем туда никого не записано“. Донские чиновники остались, как видно, весьма недовольны и жаловались на несправедливость, на что грамотой 26 янв. 1771 г. были подтверждены условия добровольного переселения украинцев с запрещением приписывать к Таганрогу больше чем 300 семей. Старшины не успокоились после этой грамоты и принудительно задержали у себя некоторых украинцев, вернувшихся домой за имуществом и семьями. Это вызвало присылку новой грамоты в 1773 г., в которой предписывалось задержанные семьи „выслать к нему (коменданту гор. Таганрога) в самой скорости“.

Попытка правительства, по примеру Петра I переселить принудительно донских казаков на Кубань была предпринята в 1792 году. Царским рескриптом от 16 января 1792 года на имя атамана Войска Донского Иловайского предписано было переселить 3000 семей казаков на Кубань.

Из них было предположено, по проекту командующего войсками на Кубани ген. Гудовича, образовать 12 станиц по р. Кубани от кр. Прочного Окопа до

устья р. Лабы. Для переселения решили использовать донских казаков, бывших на Кубани на 3-х летней службе в количестве 6 полков; при чем казаков предложено было оставить после окончания срока службы на Кубани, а семьи их выслать к ним с Дону. Это привело к волнениям на Дону и в донских полках на Кубани, закончившимся ссылкой в Сибирь, наказаниями путьями и изданием второго рескрипта (18 авг. 1792 г.) о добровольном переселении на Кубань 3000 семейств из всего населения Войска Донского. Но многие станицы отказались исполнять указ о переселении, и правительство было вынуждено послать регулярные войска для усмирения. В результате было заковано в кандалы 48 старшин и 298 казаков; из остальных участников было подвергнуто наказаниям сперва 1645 казаков, а потом дополнительно, после подробного расследования, еще 5000 человек; кроме того 13 человек было наказано кнутом с вырезыванием ноздрей, 146 было жестоко избито кошками, часть сослана в ссылку. После подавления восстания и наказания „виновных“, было переселено на Кубань 1000 семейств.

Право Донского Войска принимать бежавших из Великороссии и Украины разного звания людей (право убежища) было одной из главных причин энергичного вмешательства российских императоров во внутреннюю жизнь Войска Донского. Старое донское правило „с Дону выдачи нет“ было препятствием Петру I к достижению успешного строительства государства российского, и Петр, не колеблясь, решился уничтожить донское право убежища. Вопрос о беглых был одним из самых больших вопросов государственной жизни России XVIII века, что видно из количества грамот, присланных на Дон, в связи с поисками, регистрацией и выселением беглых людей.

В этом отношении интересы Донского Войска и интересы государства российского случайно совпали. Иммиграция нужна была главным образом донским старшинам; в ней они видели источник дешевой рабочей силы для сельско-хозяйственных работ на самовольно захваченных ими казачьих землях. Войско, как целое, от нее больше проигрывало, чем что-либо приобретало.

Но класс войсковых чиновников был уже настолько силен, что с ним бороться казачеству было не в силах; да и власть российская, создавшая чиновный класс казачества, особых успехов в борьбе с ним не имела.

Оставив Донское Войско без Войскового Круга и не дав взамен твердую, разумную систему управления, правительство российское создало на Дону привилегированную группу, которая, прикрываясь старыми казачьими обычаями, образовало на донской территории новый класс — крепостное крестьянство, что имело роковые последствия в исторических судьбах Донского Войска.

Положение беглых людей на Дону было различное. Одни, прибыв туда, переходили из станицы в станицу, занимаясь к. н. ремеслом или с.-х. работами у старшин и казаков; другие сразу обосновывались на определенном месте, обзаводились хозяйством, рождались с казаками и с течением времени принимались в казаки; третьи попадали к старшинам на захваченные ими земли и образовывали слободы, поселки и хутора на свободной войсковой земле.

Петр I своими грамотами первый решительно запретил принимать беглых людей на Дон.

В 1703 года 11 июня он послал на Дон стольников Пушкина и Колотрикова с целью собрать сведения о времени поселения старых и новых казачьих городков, а также о том, кто из казаков откуда и когда пришел и за долго ли до Азовских походов. По этой грамоте подлежали высылке из пределов Войска, все пришедшие на Дон после 1695 и 1701 г. г., а каждого десятого из этой категории беглых приказано было сослать в Азов на каторгу. Пришедшие до азовских походов, но в них не участвовавшие, подлежали переселению на новые места в пределах Войска Донского — на заповольные речки между валуйской и рыбенской дорогами.

Грамотой 14 мая 1705 года было воспрещено принимать беженцев во вновь населенных казачьих городках по дорогам Валуйки—Азов, Рыбной—Азов.

Петр II в 1728 году (грам. 29 сент.) издал новый закон о беглых, по которому подлежали высылке из пределов Войска все, зашедшие на Дон с 1710 года, этим был отменен прежний петровский закон о беглых (1703 г.).

Закон 1728 года был подтвержден вторично в 1734 году 21 янв., с дополнением о запрещении принимать и держать беглых, и в 1735 году.

В 1737 г. (грам. 15 ноября) бригадир Горюшкин был послан на Дон для переписи украинцев, вышедших из слободских полков и поселившихся по Дону, Донцу и др. рекам, с выяснением их числа, мест прежнего жительства, времени переселения и лиц, принявших их к себе на жительство.

Грамотой 1739 года 24 марта Анна Иоанновна вновь подтвердила закон о высылке на прежние места жительства беглых людей с женами и детьми, поселившихся по Хопру, Дону и Тереку, а 1740 года 6 мая — о высылке всех беглых украинцев и отпущенных из Азова работников.

В 1742 году (грам. 15 апр.) воспрещено принимать и держать в старых станицах великорос. и украинск. людей, „помня Петра Великого указы и жесточайшее запрещение“.

В том же 1742 году (грам. 14 июня) было воспрещено укреплять в вечное холопство украинцев „никому, кто б какого звания и достоинства ни был“ и вновь был подтвержден запретительный закон о беглых (великороссийских людей и крестьян, драгун и солдат и других служилых людей („матрозов“) воспрещено принимать и держать).

Грамотой 1743 года 17 февраля было предписано составить и прислать в Военную коллегия ведомость о беглых, высланных в разное время из городков и хуторов Войска Донского; вновь подтверждено о высылке и под страхом смертной казни было воспрещено держать беглых — „от каждого дому расписки взять и все казачьи хутора, где были беглые, искоренить“. В том же году (грам. 14 окт.) был установлен штраф за „передержательство“ беглых служилых людей, драгун, рекрут, солдат и др.

В 1745 году (грам. от 28 марта) был учрежден на Дону институт специальных старшин в крайних станицах по всем рекам; им вменялось в обязанность следить за беглыми и задерживать их для высылки из пределов Войска.

Но помимо старшин сыском беглых продолжали заниматься также и лица, посылаемые от правительства.

Из грамоты от 1745 г. 17 дек. видно, что на р. Медведицу и Карамыш был послан полковник Дубасов для сыска и высылки беглых людей.

Грамотой от 21 сент. 1748, в связи с массовыми побегими крепостных крестьян из Рязжского уезда (200 человек, потом 70 с женами и с пожитками) было предписано отправить старшин во все казачьи городки для сыска и присмотра за беглыми и публиковать во всех городках о запрещении держать беглых.

В 1749 году (грам. 2 мар. и 16 июня) было воспрещено принимать на работы великороссийских людей приходящих из дальних и ближних мест.

Указом 1737 года было разрешено старшинам держать у себя крещеных калмыков (покупать, крестить и держать).

В 1763 году после 3 ревизии на Дону часть украинцев, не принятых в казаки, была зачислена в подушный семигривенный оклад и приписана по месту жительства на землях Войсковых, станичных и чиновников. Таких крестьян насчитывалось в 1763 году 20.422 души.

Запрещение свободных переходов крестьян в Слободской Украине (1765) и Украине Гетманской (1783) повело к увеличению числа беглых людей на Дону.

В 1796 году 25 декабря был издан указ об утверждении в полуденных губерниях беглых крестьян по месту их жительства. По этому указу было обращено в крепостную зависимость на Дону 54628 душ, проживавших на землях, захваченных донскими чиновниками,

и 7456 душ, имевших жительство в казачьих станицах, всего 58292 души.

В 1798 году донские чиновники получили права дворянства и владения крепостными.

Крепостные крестьяне, закрепленные за станицами

по царскому повелению в 1811 году были приняты в казаки и б. ч. поселены во вновь образованных в За-донской степи станицах (Махинск., Кагальн., Мечетинской и Егорльщкой).

И. Вихлянцев.

Казачье студенческое дело за границей.

7 янв. ст./ст. 1921 г. на о. Лемнос (Греция) была организована студентами юнкерами Донского Атаманского Военного Училища первая казачья студенческая группа, которая поставила своей целью дать возможность своим членам закончить прерванное образование.

В нечеловечески трудных условиях родилось это дело. Агония Крымской эпопеи. „Казачьи“ служат последнюю службу, выполняя „долг“ перед „Родиной“. Атаманцев мотают по всему Крыму. Атаманцы в боях под Каховкой и Любимовкой, атаманцы „под зелеными“, атаманцы помогают, чтобы мобилизация прошла кое-где „поголовно и единодушно“ (окуряя села пулеметами). Наконец — Сиваш, падение Перекопа, тяжелый переход без привалов Сиваш — Джанкой. Поездом: Джанкой — Севастополь. В Севастополе атаманцев немедленно посылают в охранение города. Атаманцам — последним парад, последними грузятся на пароход. Все эти дни — без сна, не раздеваясь, без горячей пищи.

1 ноября 1920 г. оставляется последний клочок земли, близкий к родным степям, на пароходе „Лазарев“ атаманцы выходят в море.

Чума на пароходе и чумный месячный карантин на этом маленьком переполненном суденышке.

1 декабря 20 г. выгрузка на скалистый о. Лемнос в сезон проливных дождей. Разбивка лагеря. Жизнь в маленьких палатках. Пища — саламата. Сон первое время буквально на сырой земле под одной шинелью. И вот при этих условиях, через месяц с небольшим после выгрузки, 7 янв. закладывается великое дело, которое впоследствии разрастается в большое студенческое движение.

Каждый, узнав о студенческом движении за границей, скажет, что такое явление не могло явиться случайно, ему должны были предшествовать большие причины и события.

Да, много было причин, и большие события прошли перед глазами впечатлительной казачьей молодежи, прежде чем было положено начало казачьему студенческому движению.

Великая Европейская война заставила студента-казака сменить свой студенческий мундир на мундир прапорщика. Многие из тяжелой неприглядной казачьей действительности пришлось увидеть студенту в армии. Казачьи полки в русских частях всегда и всем были чужие, одинокие. Развал фронта, конец войны, революция. Казачьи полки, сбиваемые с толку агитаторами, ищут разъяснения событий у своих офицеров, а казачьи офицеры сами в себе не могли примирить противоречия.

Россия и Дон. Керенский и Атаман Каледин. Совет Солдатских и Рабочих депутатов и Донской Большой Войсковой Круг. Временное Российское П-во, никем не избранное и мало авторитетное, и Войсковое П-во, избранное Кругом. Кого же слушать, кому повиноваться? В душе казака начиналось искание своих путей. Керенский объявляет Дон мятежным, Атамана Каледина изменником родины (!), требует выдачи Атамана, отдает приказ о мобилизации против Дона двух военных округов, Московского и Казанского. Дон отвечает — „с Дона выдачи нет“. По станицам идет сполок Митрофана. Как себя в это время чувствовали на фронте казаки, понять не трудно. Казачьи полки с фронта идут в родные Края, чтобы дома думать казачью думу. А на Дону Правительство, по вопросу об Учредительном Собрании, заключает блок с российской политической партией Кадетов. Народное П-во и политическая партия. Что

общего, почему? — Дорого потом Дон заплатил за этот блок...

Восстания на Дону. Студенческая боевая дружина. Выстрел Каледина. Степной поход. Дон оккупируется на этот раз красной Москвой. Потом восстание казаков. Снова Дон свободен и снова гибнет.

После этих страшных событий студент-казак увидел и понял трагедию своего народа — у казачества не было своей народной интеллигенции, а были обрусевшие перербургские казаки, сначала воспитанники высших российских школ, а потом исправные служаки „свиты его величества“ и примерные чиновники ведомств центральной российской власти.

Казачий народ в своей массе принял объявление своего государства самостоятельным как святое святых. Поиняв его, он и нес страшные жертвы за укрепление его. Его политика была — „пригребай к своему берегу“. Вот как П. Краснов описывает настроение казачества в момент своего государственного существования. — „В школах и гимназиях после молитвы дружно пели „Всколыхнулся“, и гимн этот подхлестывал и взвинчивал, как марсельеза. На школьных праздниках, в ученических выступлениях неизменно фигурировал „Родимый край“ Крюкова и над ним плакали. Была мысль одеть Донскую армию в особую от русской формы, но этому воспротивились Атаман и Командующий Армией. Над дворцом реял сине-желто-красный флаг и Новочеркасские жители ходили им любоваться. Все это было свое“... (Архив Русск. Рев. т. V. стр. 293).

Для защиты своего Края казачий народ все дал, что он имел... „На Дону были мобилизованы все казаки. Все отдавалось за свободу Родины: жизнь и достоинство. Все лошади были отданы или в строй или в обозы; коров и волов резали без сожаления, чтобы кормить фронт, хлеб возили туда же, туда же отдавали последнее платье, белье“... (стр. 249). „В зимнюю стужу дети возили тяжелые клетки со снарядами, ящики с патронами — без конвоя, без защиты, по глухой степи. Оттуда же не шли порожняком. Везли страшную добычу... Добычу смерти“. (Стр. 250). Если мы вспомним „пограничную болезнь“, то мы будем знать во имя чего казачий народ нес эти жертвы.

А как себя вели казаки-интеллигенты или просто петербургские казаки, об этом также хорошо говорит П. Краснов. Во главе этой интеллигенции стоял сам атаман. Хорошую русскую поговорку можно к нему применить — „вор завсегда слезлив — плут завсегда богомолен“. Краснов во всех своих приказах по Войску держался за Бога. Выработал текст присяги, которую принес сам и приводил к ней других (теперь он удивляется как те, кто в сердце своем носил бело-сине-красное знамя, не понимали значения Донского флага, как переходного флага. (Стр. 204).

На обеде в честь приехавших союзников, атаман П. Краснов за великую, единую, неделимую Россию кричит ура и играет гимн „Боже, царя храни“ (стр. 273) А как же с присягой служить только В. В. Д., ведь ее никто не снял?

В каком-то институте благородных девиц девушки-воспитанницы поют „Боже, царя храни“ (стр. 276). Неужели пели в Донском? Девушки-казачки в гимназиях пели свой гимн Донской — „Всколыхнулся“.

Результат — Казачий народ, не имея своей национальной интеллигенции, теряет свою государственность, снова и снова его Земли оккупируются Москвой.

В это время студенчество делает ясные выводы — если нет казачьей интеллигенции, то она должна быть, она будет. Студенческое дело начинается еще в Новочеркасске...

В журнале „Сын изгнания“ № 3 (стр. 35) 1921 г., май, о Лемнос, в очерке „Последнее прощание“, своим содержанием относящимся к 22 дек. 1919 г., читаем следующие строки:

„Завтра мы уходим, после завтра должен пасть Новочеркасск. Я иду с армией. Теперь знайте, почему я ухожу. Я не верю в торжество большевизма. Он явление временное. Пройдут года, свободный дух казачества сбросит оковы и в то время свободному Дону будут нужны и свободные работники, не обезличенные ужасом большевизма. Я хочу сохранить свободную душу. Сделать это здесь не мыслимо. И я уйду за границу. Там, в изгнании, среди честного, здорового народа я буду готовить себя к будущей деятельности.“

Прежде всего, я постараюсь очиститься от грязи гражданской войны, а потом буду добиваться возможности получить высшее образование. Если этого я не достигну — научусь техническому ремеслу и языку, но больше всего среди честного народа я должен стать честным труженником, буду работать и буду ждать. Когда же вековой соборный колокол вновь свободно зазвучит, вновь будет звать свободных казаков в Круг, — тогда я и подобные мне изгнанники, учуяв казачьим сердцем родной призыв, придем строить новую жизнь Свободного Дона“.

Итак, студенческое дело зародилось в Новочеркасске, организационная работа началась на Лемносе, перекинувшись потом во все страны, где были студенты-казаки.

7-го января 1921 г. к одной из палаток лагеря Атаманского В. Училища на о. Лемносе, собралась инициативная группа студентов-казаков на первое свое собрание, на котором и постановила считать группу казаков-студентов организованно существующей и избрала правление, которому поручила вести дело оформления организации и начинать работу, задуманную давно.

Группа не выработала определенного устава и положений для руководства в работе. Цель была ясна — начать работу по подготовке интеллигенции для родных Краев, а для этого нужно было искать путей и возможностей для определения студентов-казаков в высшие школы Европы.

Первые шаги в намеченной работе были очень ответственны, а поэтому в число членов группы принимали с большим выбором. Не каждый казак-студент мог быть принят в члены группы; вступающий должен был отвечать приблизительно следующим требованиям; 1) известный образовательный ценз; 2) иметь искреннее желание учиться; 3) не должен бояться жизни тяжелой и труда физического; 4) быть морально порядочным человеком и хорошим товарищем.

Всего в группу вступило 21 человек. Таким образом, по существу, это не была профессиональная студенческая организация, это была типичная казачья ватага, поставившая себе определенную цель.

Для того, чтобы легализовать свое положение, студенческая группа подала особую докладную записку на имя начальника училища г.-м. Максимова за подписью всех своих членов.

Содержание записки сводилось к следующему: запискою они сообщали начальнику о своем желании легально работать, а также просили помогать им в этом деле.

На содержание записки Нач. У-ща ответил большою резолюцией, суть которой сводилась к следующему.

Сначала дается нагоняй за нарушение устава. В военном письмоводстве не существует коллективных просьб, каждый просит за себя. Дальше шел ответ по существу. „Почему есть желание учиться только у вас, 21 студента-юнкера, разве такого желания нет вообще у казачьей молодежи? Есть и таких тысячи, но они сидят и молчат, потому что они патриоты.“

Вы хотите сначала учиться, а потом спасти Родину, а сердце патриота говорит иное — сначала спаси Родину, а потом учись. Говорите просто — позвольте, мол, разбежаться“.

Резолюция нач. уч-ща была передана представителю группы и этим были закончены официальные отношения. Далее началась отеческая беседа. Покойник Алексей Михайлович был выеко-интеллигентным человеком. Он умел в себе сочетать строгость командира и отечески мягкое трогательное участие к подчиненной молодежи. Учувя казачьим сердцем высокий порыв студенчества, он на словах не только разрешил вести работу, но и разрешил правлению группы пользоваться печатью Училища и подписью адъютанта там, где этого потребуют формальности переписки.

Началась томительная переписка буквально со всем миром и еще более томительное ожидание. Писали во все страны. Отвечали только казаки и русские организации, да это и понятно было. Даже русские организации не понимали, как это студенты-казаки хотят учиться в Европе. Слишком дерзкая была мысль. Порыву же казачьей молодежи не было границ, а своей пламенной верой в успех намеченного они не только сбивали с толку самых безнадежных пессимистов, но даже привлекали их в свои ряды. Приведу пример. Порт-юнкер Училища Б. Г. С—в, студент Льежского политехникума, сержант Бельгийской, а потом Французской армии в Великую войну, как то процедил сквозь зубы, что из этой затеи ничего не выйдет, — „вы не знаете Европы“. А через небольшое время он уже был в рядах студенчества одним из активных его членов. Часто потом можно было видеть Б. Г. при свете саловой свечи переводящего письма для общего дела на французский и английский языки. Теперь Б. Г. окончил политехникум в Льеже и давным давно служит инженером.

В первое же время студенты увидели, что с Лемноса ничего не сделаешь, нужно было попасть на материк; но как? Решение попасть на материк было принято, ждали только момента.

Возможность представилась только 27 июня, когда на остров Лемнос пришел пароход „Решид-Паша“, зафрахтованный Общеказачьим Сельско-Хоз. Союзом, взяты казаков, желающих ехать на полевые работы в Болгарию.

29 июня студенческая группа в количестве 30 чел. была на борту парохода, который вечером вышел в Эгейское море, держа курс на Константинополь.

В Константинополе на рейде ночевали и за это время студенты успели снестись с одним из министров Донского П-ва, ставя его в известность о том, что, они студенты, едут в Болгарию, а также спрашивали его неизвестны-ли ему какие-либо новости в К—ле по студенческому вопросу. К чести г-на министра нужно отметить, что он принял большое участие в студенческом деле, став с первых же дней близким другом студентов и, конечно, не потому, что это была его министерская „сфера“, а потому, что был человеком весьма дальновидным. Нового в К—ле ничего не было и станичник-министр благословил студентов ехать в Болгарию.

К вечеру следующего дня „Решид-Паша“ проходил по Босфору, направляясь в Болгарию. На капитанском мостике яхты „Лукул“ стояла высокая фигура барона Врангеля.

Молчаливо расходились корабли с характерным для каждого экипажем. „Лукул“ стал на мертвый якорь со своею политикой — „потерпите и нас признают“. „Решид-Паша“, разворачивая воды Босфора, нес казаков-студентов к новой жизни, к новой „политике“, политике упорного и благородного труда во имя светлого будущего своего милого Отечества, родного Дикого Поля...

Вышли в Черное море. Летняя ночь, теплынь. До родных степей рукой подать. Тихо плескались волны и казалась, что не волны это шумят, а шумит родная степь, и что ты не на борту парохода, а дома, в степи, у Голой балки ночуешь с лошадьми... Все как дома, то же небо, те же звезды. Также Ерондак повернулся внем к реке и Батьева дорога все также протянулась над Астраханским шляхом... Пароход забирал влево. Сон смыкал ресницы. В голову лезла всякая алапа.

Варна... Давно знакомое с детства слово... Браиллов, Варна, Шумла, Казанлык — высечено на памятнике в Новочеркасске у станичника М. П. Бакланова. Бросаем якорь. К борту, через некоторое время, подплывает шлюпка с какою-то „российской властью“. „Власть“ вызывает нашего старшего и спрашивает у него, кто приехал и есть-ли у приехавших паспорта и визы. Старший, поняв коварный вопрос, отвечает довольно дерзко: приехали студенты-станичники и просто станичники, все люди вольные, беспаспортные. Виз тоже нет, а есть одно разрешение на везд от Болгарского П-ва на весь эшелон в 1000 казаков.

— Этого недостаточно, — прошептала сквозь зубы российская власть.

— Мы вполне удовлетворены, — отвечает старший группы, — если для вас этого мало, то нас несколько не интересует... Власть отчала, а студенты вслед пели из песни о Разине „воевод, бояр Московских, в три погубили согну“ — песнь, очень популярная среди юнкеров-атаманцев. Все же „власть“ устроила нам порядочную неприятность, аттестовав нас, перед Болгарским Правительством как воров и разбойников. Болгария отказалась нас принимать. Положение создалось тревожное. Здесь не принимают, возвращаться во Врангелиаду было невысказано, крушение идеи студенческой — во-первых, посадят на кукан — во-вторых, а кормились уже гнилым хлебом. Теряться было нельзя, и мы стали

нажимать на коменданта парохода, молодого французского офицера.

Сойдя на берег, он дал три телеграммы. Одну в Софию и две шифрованных в Константинополь и Париж. Из Софии должен был прийти ответ через 24 часа. Когда, по истечении этого срока, мы подходили к молу для выгрузки, еще не имея ответа из Софии, в Варненскую бухту влетела французская миноноска. Описав большой круг по над берегом, миноноска бросила якорь, смело распустив огромный французский флаг... Мы начали выгружаться. Было много страха, но все обошлось благополучно. Вездную визу, лично мне, поставили на случайном студенческом удостоверении. Этим закончилась наша формальность с пограничною Болгарскою властью и мы встретились сейчас же с исторически близким нам, братским Болгарским народом. Встретили нас восторженно. Нас обласкали, обмыли, накормили. Помню было много белого мягкого хлеба, зелени, молодой картошки и баранины. На станции ж. д. к пассажирскому поезду для студентов прицепили товарный вагон (ибо они каким-то чудом увезли с Лемноса великолепную немецкую кухню, которую в пассажирский поезд, конечно, не втанешь) и они уехали в глубь Болгарии.

1 августа, по новому ст. студенты уже были на работе. Нужно было одеться, обуться и скопить на первое время малую толику денег для поступления в Высшую Школу.

■ ■ ■ ■ ■ ■ ■ ■ ■ ■ ■ ■

Вл. Куртин.

К а з а ч ь я п е с н я .

Едва-ли где песня играет такую исключительно важную роль во всей жизни народа, как это имеет место у казаков вообще, у Кубанских казаков — в особенности.

Для Кубанца — казака или казачки, песня — это — альфа и омега его жизни. Относительно, нигде нет такого количества песен и нигде внутреннее содержание их не вскрывает так глубоко сущность души народа, создавшего эти песни. Нигде их мелодия не выражает так ярко и так полно не только жизнь со всеми ее радостями и горестями, суровой действительностью и идеалами, но и самую природу, самый Край, где протекает жизнь творцов песни.

Богатая содержанием, военно-земледельческая жизнь, богатство и разнообразие природы, близость казака к природе — все это вызвало в его душе такое разнообразие и обилие чувств, которое должно было найти свой выход и свое выражение. И — родилась песня.

Песня — это душа казака. Представить казака без песни — значит представить человека без души, продукт фабрики — R. U. R. (Rossum Universal Raboia).

Песням казак не учится. Песня впитывается им вместе с молоком матери и составляет неотъемлемую часть его „я“. По мере духовного развития этого „я“ — развивается и усовершенствуется песня. И с этой стороны старые казачьи песни свидетельствуют, что и в давние времена наши прадеды и глубоко чувствовали, и смело и красиво жили и обладали большой социальной мудростью.

Казачья песня — это и есть Казачий материнский язык, ибо Казачка-мать воспитывает своего сына — казака песнейю.

В коротких строках Лермонтов суммировал в о с п и т а т е л ь н ы й м а т е р и а л , которым пользуется Казачка-мать. Запечатлел и ее внутренний мир, ее жертвенность... Горьки ее слезы, но сладка радость матери богатыря, казака души.

Душу же — эту она вдохнула ему своими песнями. Казачьи песни — это не песни в южнославянском понимании, т. е. не эпические стихи, рифмованные или белые. Это — прежде всего музыка, прежде всего чистая лирика.

Как создались эти чудные, несравнимые мелодии? Казачья песня не только „хватает за сердце“, она и рождается из сердца. Казачье сердце, своими песнями не только о т з ы в а л о с ь на события, но и с о з д а в а л о события.

Чтоб, как не наша песня показала целому свету, что „Казаки не только прекрасные наездники и бесстрашные воины“, но и что „в их грудях покрытых боевыми патронами, бьются благородные сердца, которым не только близко все, что прекрасно, но которые и сами создают прекрасное“.

Быт, семейный уклад, основы мировоззрения, Бог, вера, народность, традиции, идеалы и сама динамика жизни — все это ярко, четко, классически точно выражено в казачьих песнях, — в этих бесчисленных по разнообразию мелодиях.

Но как ни велико разнообразие мелодий, все они связаны таким единством внутренней силы и убедительностью, таким единством чувства, что смешать мелодию казачьей песни с мелодией песни другого народа — невозможно. Нельзя ее смешать ни с русским „стоном“, который у них „песней зовется“.

Каждый народ имеет свои национальные песни, свою национальную музыку. У казаков и то и другое представлено полностью. И понятно почему. — От начала начал своих, где-то там, в степях Азии, и до наших дней казаки могли культивировать у себя только песню. Мы бедны своими летописцами. Зато наши песни — совершеннее и правдивее летописи.

Говоря о казачьих песнях, мы подразумеваем только те песни, которые создал сам казачий народ, народные песни. А не те, что научены из учебников или под час „словесности“, и которые, к сожалению, представляют: „песни линейных и черноморских казаков“.

Сборника народных казачьих песен еще нет. И наш долг — создать его.

Всем нам известно, что русские коммунисты за пение казачьих песен расстреливали. На Кубани петь казачьи песни запрещено. Известно также, что русские не коммунисты не переваривали много наших песен, в которых казак особенно метко и едко охарактеризовал взаимоотношение Казачества с Москвою.

Петь казачьи „Думы“, в которых власть турецких султанов предпочиталась власти русских, считалось изменою „престол-отечеству“.

Яено, что наше молодое поколение на Кубани, живя под надзором Г.П.У. не может кормиться своими старыми Казачьими песнями в той мере, какая необходима, чтобы дух казачий не сломился под напором коммунистической русской частушки. Ясно, что песни забудутся... Нужно поэтому, пока еще не поздно, собирать песни нам, эмигрантам.

Если-бы Вуку Караджичу не пришла в голову счастливая мысль собрать и записать старосербские эпические песни, — для Сербии были бы бесследно загублены эти перлы народной поэзии, которыми они по праву гордятся и которые считают своим драгоценнейшим культурным достоянием. Духом тех песен воспитывались многие поколения сербов и, кто знает, б. м. история Сербии сложилась бы иначе, если-бы этот дух не удесятерил силы их в недавние трагические для Сербии дни.

Мы имеем свой Войсковой хор, имеем и еще два-три хора, которые с честью проносят по целому свету нашу песню и тем знакомят европейское и американское общество с казаками. Но у нас есть и другая задача, другой долг: долг перед оставшимися там, на Родине. Им мы должны принести цельными и целыми все песни, что лежали наши прадеды. И принести не только слова, но и мелодии.

Много есть среди нас, казаков, таких, что помнят свои старые песни. Одни из этих песен чисто локальные, принадлежащие той или другой станице (куруню),

другие общеказачьи. Но и те и другие одинаково прекрасные, одинаково ценные, одинаково нам родные.

И долг каждого из нас записать все те песни, что еще нам память сохранила. Записать и послать Атаману. Несколько труднее записать мелодии, но и это при желании возможно. А желание у нас должно быть. Ибо для нас наша песня — достояние не менее ценное, чем для Сербов их народный эпос.

Вспомним нашу прошлую жизнь — станичную, походную, боевую... Разве делалось что-либо без песни?.. И разве песня наша не играла столько раз исключительную роль в нашей жизни?..

Вспомним историческое заседание Рады в декабре 17 года... Почему тогда, не сговариваясь, разом поднялись восемьсот казаков депутатов и стройно, вдохновенно запели:

... За твои станицы вольные?

И какое впечатление произвела эта песня на колебавшихся „фронтовиков“ и на публику!

Потому что в песне нашей — вся наша история, потому что она крепчайшее звено, связующее нас с давним славным, когда мы действительно были и вольны и свободны, — потому что она и теперь вдохновляет нас на борьбу за свое право быть Вольными и Свободными.

От редакции. Редакция „Вольного Казачества — Вильного Козацтва“ горячо приветствует мысль автора о собирании казачих песен и, с своей стороны, по сколько сможет, — поможет этому делу.

Шамба Балинов.

Положение калмычки в семье и обществе в прошлом и ее судьба в последнее десятилетие.

Взгляд на женщину у калмыков довольно верно характеризуется поговоркой: „длинен волос, ум короткий“¹⁾.

И, как логическое следствие такого взгляда, в жизни ей отводилось соответствующее место и роль: она должна была отказываться от своего собственного „я“, беспрекословно подчиняться своему господину — мужу, безропотно выполнять всю домашнюю повседневную черную работу, без которой невозможно никакое примитивное хозяйство.

Такое отношение к женщине, такое распределение обязанностей в хозяйстве считалось самой судьбой определенными, самим Богом установленными. Вот почему мужчина считал себя как бы от природы „урожденным“ господином, а женщину — обязанной безропотно нести выпавшую на нее долю, „женскую участь“.

Правда, были и у Калмыцкого народа женщины, игравшие в его прошлом видные политические роли (независимо от того, хороши-ли, вредны-ли были эти роли с точки зрения национального благополучия, интереса).

Так, жена знаменитого калмыцкого хана Аюки-Дарма-Бала, джунгарка по рождению, очень долгое время играла выдающуюся роль в политической истории калмыков. Жена хана Дондок-Омбо-Джан, кабардинка по рождению, своим активным и умелым вмешательством в общественно-политическую жизнь Калмыцкого народа много горя принесла последнему и не мало хлопот доставила русскому правительству.

Но в общем такие женщины составляли редкие исключения. Основная масса женщин-калмычек держалась

в черном теле, в „ежовых рукавицах“. Сколько унижений, нравственных и физических мук приходилось выносить и молчаливо претерпевать калмычке до того момента, когда она может называться дорогим именем „эджи“ — старая мать, — почетное имя, которое, как магическая сила, возвышает ее и сравнивает с мужской половиной, или до того возраста, когда голова ее покроется сединами, что также всегда и всеми народами уважается.

Родилась женщиной, значит нужно нести свой крест — вот чудодейственный аргумент, примирявший женщину со всяким положением в жизни.

Муж, мужчина — „эрдэни“ — драгоценность, его особа достойна поклонения — вот мысль, с детства ей прививавшаяся. Правда, у калмыков не было того обожествления, того слепого поклонения мужу, какое имеет место в Индии; не было строгой изоляции от внешнего мира, что имеет место у мусульман.

Но тем не менее и у калмыков были свои патриархальные, строго соблюдавшиеся женщинами до недавних времен, правила, каковы, главным образом, относились к замужним женщинам, ибо, до замужества, девушка пользовалась относительной свободой. От нее лишь требовалось уметь держать себя при чужих людях. Больше слушать, меньше говорить при посторонних — вот все требование, предъявлявшееся к девушке. Все злоключения женщины начинаются после выхода замуж.

Здесь, помимо неизбежно предстоящих для каждой молодой женщины ограничений в правах, различных испытаний, искусов, тяжелых трудов, очень часто имела место и душевная драма женщины. Дело в том, что в те времена девушка, вплоть до приезда после свадьбы в дом мужа, не видела своего жениха и не знала за кого выходит замуж. Все делалось помимо ее воли и желания ее родителями, воле которых она обязана была беспрекословно подчиниться.

¹⁾ Понимаемая калмыками не в том смысле, что женщина от природы ограничена, глупа, а в смысле непристойности ее вмешательства в общественно-политические дела.

Или еще лучше. Свободный молодой человек облюбует себе какую-нибудь девушку, соберет своих удалых товарищей и едет „за своей невестой“, т. е. попросту едет с целью силою взять девушку и сделать ее своею женою. И такое „предприятие“ почти всегда кончалось успехом. А раз приняв вид замужней женщины (заплетаются волосы в две косы), девушка в большинстве случаев, люб или не люб храбрый муженек, принуждена была оставаться, ибо снова принимать девичий вид (заплетать волосы в одну косу) считается символом несчастья, дурным предзнаменованием для ее родителей.

И вот, при таком порядке „выхода“ замуж, девушка, первый раз увидев после свадьбы своего мужа, нередко приходила в ужас от своего „милого“. Тем не менее она обязана была заглушить свою душевную драму, примириться со своим „счастьем“, казаться мужу доброй женой, а родственникам мужа — покорной, воспитанной в строгости, обходительной невесткой. Такова воля родителей, а это — закон.

Сколько горьких слез проливает она в своем уединении, сколько мучительных вопросов возникает в ее юной голове и остается без ответа, сколько всяческих планов пробуждается в протестующей душе!

В конце-концов она „привыкает“ к своему положению; со временем появляются дети (главное и почти единственное утешение и удовольствие калмычек). Мать побеждает женщину и все кончается благополучно.

Конечно, не все женщины так примирялись. Бывало и убежали от мужа — иногда с успехом, а чаще для того только, чтобы еще больше ухудшить и без того незавидное положение. Но таких непримирившихся бывало мало. Нужна была особая решительность, смелость, чтобы идти против воли родителей, против мнения общества. „Что скажут люди?“ — вот сила, заставлявшая многих женщин пить горькую чашу до дна.

Для женщины слово мужа — закон, особенно слово, подкрепленное ударом хорошей плети, „радикальное“ средство, применявшееся нередко.

Вообще для молодой замужней женщины в законах, подлежащих неукоснительному ее исполнению, недостатка не было. Начиная от свекора и свекрови (старшие „хадам’ы“) и кончая последним мужчиной в роде ее мужа (младший „хадам“) — все для нее являются повелителями, особенно в первое время. Всем надо поклоняться, угождать; нужно внимательно за собой следить, чтобы случайно не вырвалось при „хадам’е“ непристойное слово, чтобы нечаянно не сделать неприличествующее движение.

Чтобы судить, каково должно быть напряжение ее, особенно в первое время, нужно сказать, что в ином роде таких мужчин, которым надо поклоняться, насчитывалось до сотни. Имена всех этих мужчин она не может произносить — это тяжкий грех, с очень скверными последствиями на „том свете“. И, если имена этих мужчин случайно совпадают с названиями каких-нибудь предметов, то она не имеет права называть так эти предметы, а должна изошряться и придумывать для них новые названия. А таких „случайно“ совпадавших имен было больше, чем достаточно, ибо калмыки детям дают имя произвольно, преимущественно из названий знакомых предметов, зверей и пр.

В силу этого, в ином хотон’е большого рода вырабатывается особый разговорный язык, женский диалект, разобрать который чужому человеку бывает не легко. При „хадам’е“ женщина не может показываться босой и без шапки, в силу чего она и в летний зной, во время тяжелой работы, не может скинуть эти предметы своего туалета. Ей запрещено в кибитке „хадам’а“ переходить известную линию и вступать в почетную часть кибитки дальше от очага, выше к „баран’у“¹⁾, чем злые свекрови иногда пользовались для излишних мучений своей невестки, ставя в этой части кибитки все съестные припасы.

Молодая жена не может вместе с другими членами семьи кушать, а должна терпеливо ждать окончания общей трапезы и удовлетвориться остатком, каковой

¹⁾ В почетной части кибитки сооружение из сундуков, покрытое ковром. В сундуках хранится все приданое хозяйки.

очень часто бывает недостаточен для утоления голода здорового степного организма. Такое полуголодное существование являлось неизбежным спутником многих молодых замужних женщин.

Иногда добрая свекровь, в свое время испытавшая на себе это горе молодой женщины, приходила на помощь своей любимой невестке добрым советом — варить „будан“ (суп, разбавленный мукой) погуще, чтобы в котле и чашках прилипло больше, тогда она, вытирая и вычищая котел и чашки, могла наесться. Но такой совет давался, если добрая свекровь любила свою невестку. В противном случае малодайка не могла прибегнуть к этому средству, ибо опытная свекровь за густоту „будан’а“ может дать нахлобучку.

Какой неподдельной, искренней благодарностью такой женщины пользовался человек, давший ей тайно от старших кусок масла или горсть муки, из которых она тайком приготавливала себе лепешки, что потом старательно хранилось и очень бережно, в самых крайних случаях, расходовалось ею.

Такое держание невестки на полуголодной диете исходило не от скупости, скудности или недоброжелательства к ней, а просто считалось правилом приличия. Даже если этих остатков было достаточно, то она из приличия не должна была досыта наесться, по крайней мере при людях.

Никто не задумывался над тем, что такой традиционной „тренировкой“ бессознательно умалялось значение человеческой личности и что такое отношение к молодой женщине способно возбудить у нее дурные инстинкты, наводить на нехорошие мысли или поступки. К чести калмычек, такое испытание они всегда и неизменно выдерживали.

О духовных ее запросах, исканиях ее души никто не заботился, ибо она — женщина, значит, никаких там духовных запросов. Угождай мужу, боготвори старших и не имей своего „я“.

В еще более старое время „бэрэ“ — молодка не имела права появляться в кибитку свекора в течение трех лет, а должна была, выполнив свою дневную работу, находиться в своей „черной“ — сыновней кибитке. В этом случае пищу ей носила из „передней“, отцовской кибитки, золовка. Если попадалась злая золовка, то она этим часто злоупотребляла и мучила свою невестку. На этот счет существует много легенд. Вот одна из них.

Одна такая злая золовка отсылаемый с ней невестке „будан“ по дороге поела сама, а остаток разбавив снегом, приносила несчастной невестке. От такой „хорошей“ пищи та тяжело страдала, но жаловаться было некому, да не имела и права, должна была все переносить. В конце концов она, совершенно истощая, не выдержала и стала тихо напевать про себя:

Хорон кинтим - би
Хорта „будам“ - би,
Ягасан киитэм - би
Янзата „будам“ - би, т. е.

Как холодно,
Какой вредный „будан“,
Ужасный мороз,
Удивительно сомнительный „будан“.

Случайно услышав эти напевы невестки, свекор ее догадался в чем дело. Придя домой, он заколол барана. Когда мясо сварилось он вынимая из котла мясо, умышленно уронил на землю заднюю ногу барана. Затем со словами: „кто же будет есть уроненный кусок, отнесите его невестке“²⁾ — отослал кусок ей, чем спас ее от голодной смерти.

Таково было положение калмычки в семье. И на плечах этой полузабитой, полуголодной, бесправной женщины стояло все тогдашнее примитивное хозяйство кочевого калмыка.

²⁾ Давать первый кусок из котла невестке по понятию калмыков было непристойно.

В то время в хозяйстве калмыка почти ничего не покупалось, женщина делала все сама. Основная принадлежность кочевых народов — кибитка — от начала до конца была делом ее рук. Войлоки — кошмы — делались ею из шерсти овец, стрижка которых лежала на ее же обязанности; для обтягивания и прикрепления кибитки — „хосолонг“,¹⁾ „дэсэн“,²⁾ „зэгэсэн“³⁾

¹⁾ Из черной и белой шерсти тканый пестрый, плоский, шириной в 2-3 вершка род бичевы.

²⁾ Бичева, сплетенная из шерсти и конских волос.

³⁾ Плетенная из камыша цыновка для обкладывания кибитки зимою и для других домашних надобностей.

делала она же; все предметы домашнего хозяйства — кухни: „бөрве“,⁴⁾ „бортохо“,⁵⁾ „архад“⁶⁾ и т. д. делались ее же руками. Обработка и выделка самой кож, необходимых для приготовления указанных предметов, также лежали на обязанности женщин.

⁴⁾ Из копченой воловьей или верблюжьей кожи красивой, тонкой работы посуда для „арьки“ — самодельной водки.

⁵⁾ Посуда из тех же кож, заменявшая ведро.

⁶⁾ Большая конусообразная кадушка из тех же кож для хранения арьяна.

(Продолжение следует).

Т. Стариков.

Значение местности*).

Ровное, твердое чистое поле делает атаку легкой, части идут дружно и развивают такой порыв и такую стремительность, которую трудно чем либо остановить. Атака начавшаяся с коротких расстояний, дает уверенность в достижении цели, напряжение не успевает дойти до той высоты, с которой оно может сорваться, отрезвление от порыва и экстаза не успевает наступить. Атака молниеносно доходит до противника и в буквальном смысле сметает его. Присутствие на позиции или на поле боя хороших пулеметных и артиллерийских позиций, позволяющих с близких расстояний наносить противнику потери метким и сосредоточенным огнем, удобные пути для скрытых и неожиданных для противника заходов в его тыл и фланг делают тоже самое.

Это, так сказать, видимые качества позиции, которые легко оценить рассудком не только опытным начальникам, но и рядовой массе, несколько раз побывавшей в боях.

Но в природе существует такое огромное разнообразие в рельефе местности и в комбинации на нем лесов, рек, озер, болот и всевозможных других местных предметов, что многие стороны скрыты от понимания рядовой массы и тогда она, как сказано выше, инстинктивно чувствует их. Этому помогает то обстоятельство, что масса во много раз впечатлительнее и воспримчивее одного человека. И то, что недоступно ему, становится доступным ей.

Войсковая часть это — живой организм, у которого инстинкт и воспримчивость далеко превосходит те же качества одного человека. В зависимости от количества людей в части находится и степень ее возбу-

димости. Вот поэтому то она неизмеримо легче может постигать или вернее почувствовать то, что не может почувствовать один человек и поэтому же у нее легче поднимается настроение, но зато оно также легко падает и доходит до паники, до полной неспособности. Легко приходит уверенность в победе, но и легко опускаются руки и падает сердце.

Но любопытно то, что умственные способности, трезвые рассуждения части остаются на уровне одного человека. Это доказывается тем, что люди войсковой части только много времени спустя после боя, могут разобраться в промахах или удачах, как их самих, так и их начальников.

Вот эта способность позиции с ее многообразными комбинациями местных предметов влияет на душевные качества бойцов и есть ее живая, но скрытая душа.

Выше было сказано, что и сам начальник во время быстро меняющейся обстановки часто определяет качества позиции не умом, а только чувствует их и бессознательно отдает необходимые приказания. Но для этого он должен быть наделен специальной способностью оценивать позиции как умом, так и чувством. Эта способность дается только естественным воинам и врожденным полководцам, как проникновение в тайны красоты природы, слова и звуков дается только художникам, поэтам и музыкантам.

Но частый разбор позиций, частое руководство боем, развивают указанную способность, как развивается художественное чутье поэтов, художников и музыкантов, но, впрочем, только до известного предела, дальше которого нужен талант.

Управление боем.

Управлять боем, это значит — знать психику своих войск, их настроение и способности и уметь использовать эти данные в зависимости от местных условий, количества живых и технических сил своих войск и войск противника.

Живые и технические силы обеих сторон могут быть почти всегда с большой точностью учтены, поэтому являются при каждой данной обстановке силами как бы постоянными. Их можно брать в математический расчет каждого данного боя и по ним заранее предрешать его исход.

Условия местности или позиции должны также включаться в этот расчет, так как влияние их на успех боевых операций может быть учтено с довольно большой точностью. Таким образом, по данным позиции, по живым и техническим силам своих войск и войск противника можно с большой вероятностью предрешать исход боя.

От всех этих данных совершенно в стороне стоят психика и настроение войск. Они не могут быть точно учтены и принимать их в расчет боя, как математически неизменные величины, уже нельзя. Но однако эти данные имеют колоссальное значение в бою и часто большее, чем количество войск, техника и позиция.

*). См. №. 7 журнала.

Чтобы не увеличивать количества слагаемых, определяющих исход боя и не разбрасываться, под психику войск надо разуметь следующие их душевные качества: боеспособность и послушность, склонность к панике, способность к маневрированию и одиночным боям, отношение к обходу тыла и фланга и душевное состояние при безвыходных обстоятельствах.

Все эти качества можно изучить и при расчетах боя брать во внимание только как некоторые вероятные величины тех или иных достоинств или недостатков, присущих данным войскам, а во время самых боев, когда обстановка меняется и выдвигаются новые задачи, принимать те или иные решения.

Так например, если часть не поддается панике, то можно принимать самые смелые решения и не бояться никаких обходов тыла и фланга. Если наоборот, она поддается панике и очень чувствительна ко всяким обходам, то смелые решения уже невозможны. При таком положении потребуются большие резервы и принятие многих других мер для ликвидации всяких случайностей и парирования обходов. На все это потребуется много сил и средств. Бой уже нельзя вести с такой интенсивностью и стремительностью, как в первом случае.

Если части способны к стремительным и бесповоротным атакам, то можно с малыми силами выигры-

вать бои, можно пренебрегать огнем противника и плохими условиями позиции. Если же эти качества отсутствуют, то всякая атака представляет собою риск и для ее производства нужна хорошая позиция и много времени и средств на подготовку атаки огнем.

Если бойцы способны к одиночным боям и обладают несомненной твердостью духа, то атаку следует вести лавами или разомкнутыми строями. Это даст возможность достигать успехов с наименьшими потерями. Если такой способности в войсках нет, то атаки надо вести сомкнутыми строями и вырывать победу ценой больших потерь.

При способности частей к маневрированию можно создать такую обстановку, которая позволит с меньшими силами наносить противнику поражения, если такой способности нет, то приходится вести лобовые атаки, которые дают огромные потери и наименьший успех.

Если части имеют способность сохранять спокойствие в затруднительных и даже тяжелых условиях, то с ними легко можно выходить из всех положений, но если они легко теряют самообладание, то положение ухудшается в десятки раз. В частях наступает растерянность, никто не знает что делать, никто не верит ни себе ни другим, приказание выполняются дурно. При таком состоянии войск нельзя предпринять точных и определенных решений и войска идут к неминуемой катастрофе.

Из изложенного видно какое действительно колоссальное значение имеет психика войск.

При наличии положительных душевных качеств можно наносить противнику поражения с меньшими, чем у него живыми и техническими силами с незначительными потерями и на худшей позиции. При отрицательных качествах нужно иметь большое преимущество в живых и технических силах и выигрывать победу ценой больших потерь и при том на лучшей, чем у него позиции.

Все эти качества поддаются изучению и их почти всегда можно принимать во внимание при расчетах боя несмотря на их изменчивость.

Настроение же войск, как величина постоянно колеблющаяся, не поддается учету и не может служить даже вероятной величиной при расчете боя. А между прочим от него то в большинстве случаев и зависит его исход и особенно в кавалерии. Настроение часто определяется словами: „дух войска“, от которого, по определению великих полководцев, зависит три четверти успеха. Вот поэтому то, чтобы сознательнее руководить боем и понять секрет его успеха, надо точнее понять тот смысл, который вкладывается в слова „настроение войска“.

Необходимо заметить, что конница является самым капризным родом войска. Настроения ее удивительно изменчивы. Это хорошо знают все, кто имеет кавалерийский боевой опыт. Сегодня она может неудержимо броситься в атаку и нанести полный разгром противнику, завтра, при тех же самых обстоятельствах, ничего не сделает. Общий ответ в таких случаях: „нет настроения“.

Уловить это настроение очень трудно, и еще труднее создать его. Это является делом таланта и, часто, гения.

Настроение есть временное, повышенное состояние духа, при котором возможны высшие проявления боевого порыва, удали и храбрости, возможны громовые конные удары и неудержимые атаки.

Такое состояние можно до некоторой степени сравнить с тем положением, когда утомленные, едва идущие солдаты, при звуках оркестра преобразуются, сбрасывают усталость и идут как ни в чем не бывало.

Причины падения и нарастания настроения, доведение душевного подъема до того предела, при котором возможен героизм и полное равнодушие к смерти, разгадать довольно трудно. Как оно приходит и как уходит, уловить почти невозможно. Подметить его может только опытный начальник, сжившийся со своими частями.

Настроение можно скорее почувствовать, чем понять. О нем можно судить отчасти по собственному настроению и настроению ближайших помощников. Это очевидно зависит оттого, что боевая обстановка и вся сумма

переживаний данного момента одинаково влияют на душу, как отдельных людей, так и войсковых частей и создают одинаковое настроение.

Правда — переживания и степень возбуждения, вызванные одними и теми же причинами, проявляются у разных людей различно.

Казалось бы, что общего, массового настроения не может быть создано теми или иными, но одинаковыми причинами. В действительности же каждая причина вызывает в войсковой части присущий ей психический процесс, происходит либо длительная, либо в ярких случаях, мгновенная борьба, в результате которой перевес бывает на стороне того настроения, которое охватило большее количество людей или даже меньшее, но наиболее энергичное и сильное духом. После этого, взявшее верх настроение охватывает и всех остальных людей части. Тогда она либо в паническом страхе побежит с поля боя, либо неудержимым потоком ринется в атаку и сметет противника, либо застынет на одном месте и не сможет двинуться ни вперед ни назад.

Настроение, созданное какой-либо причиной у одного человека, увеличивается в войсковой части во много раз и, в конце — концов, в атаках превращается в ураган, сметающий все на своем пути. Угар и опьянение доходят до того, что люди совершенно забывают о смерти и не замечают как валяются соседи и только после атаки приходят в себя и переживают тот ужас, свидетелями которого только что были, но не почувствовали тогда, когда смотрели на него собственными глазами.

Признаком положительного настроения до некоторой степени могут служить: бодрость, подвижность частей, веселый и задорный вид, дружный и сильный ответ на приветствие начальника, быстрота передвижений, внимание к передаваемым приказаниям, легкое их усвоение и т. д. Но все эти признаки показывают, что части находятся в таком состоянии духа, при котором возможен боевой подъем. Его можно также до некоторой степени разгадать по первым признакам боя: части прекрасно и смело выполнили большую боевую задачу, дружно бросились в атаку с разведывательной целью, сохранили полное спокойствие при начавшемся артиллерийском и пулеметном обстреле, спокойно отошли за укрытие, если на то последовало приказание, спокойной же, несмотря на обстрел, развернулись в боевой порядок. Если при всем этом на лицах сохранялось бодрое выражение, не было замечено боязни или уныния, то значит, что в этот момент нужно только нечто такое, что подобно музыке, встрепенуло бы сердца бойцов и зарядило их неудержимым порывом, толкнуло на какой угодно маневр и удар.

Такой музыкой, таким толчком могут быть: появление в момент атаки в боевой линии любимого начальника, в мужество и глазомер которого (уменьше определять момент атаки) войска вполне верят, меткий и, притом, могучий обстрел противника, подготовляющий атаку, выгодные позиции, дающие уверенность в победе, красивый и стремительный маневр, поставивший противника в затруднительное положение, начавшееся бегство одиночных людей с позиций противника, первый момент его отхода с какого-либо пункта позиции, какая-либо героическая работа передовых частей и даже одиночных людей, гром музыки или бурная песня перед началом атаки и во время ее.

Эти данные каким-то электрическим током проходят по сердцам бойцов и зажигают у них жажду подвига, беззаветной удали и могучего размаха. Крики „ура“, свист пуль, рокот пулеметов и гул артиллерийской стрельбы довершают гипноз, части пьянеют, забывают все окружающее и неудержимой лавиной мчатся в атаку.

Начальник, желающий создать порыв, должен влиять больше на чувства, чем на рассудок, ибо только чувства могут поднять дух до нужного предела, холодный же рассудок может породить только разве упорство при обороне, но не в состоянии двинуть войска в бесповоротную конную атаку.

Генерал Гусельщиков, готовя атаку сильным огнем, обычно вылетал вперед своих целей и, чтобы ни делал противник, отходил ли, шел ли в атаку, готовился ли к

ней, кричал: „противник бежит, гляди — бежит“, и летел вперед. Его знаменитые Гундоровцы, настолько верили своему вождю, что и не думали проверять, бежит ли противник от них или наоборот, идет на них, бросались за ними и, конечно, наносили противнику поражение.

Командир 7 Донской конной бригады*) часто для большей верности удара, сосредоточивал против одной какой-либо небольшой полосы позиции противника большое количество пулеметов и орудий и буквально засыпал ее пулями и снарядами. После чего бригада вполне верила в успех атаки и стремительно бросалась на противника, не обращая уже внимания на то, что делалось по сторонам и кончала бой победой.

Перед атакой Старочеркаска обходным движением 20 февраля 1920 года при очень большом ходе и глубоком снеге, когда атака могла в любой момент сорваться, вдруг из зимней мглы неожиданно засиял любимый казаками Новочеркасский собор. Достаточно было крикнуть: „собор впереди, ура“, чтобы части бросились

*) Автор.

в атаку и ни пулеметы противника, ни глубокий снег, ни скользкий лед перед позициями противника не могли остановить лаву. Противник был разбит, Старочеркасск занят.

Таких примеров можно привести много и все они рассчитаны на то, чтобы ударить по воображению своих войск, неожиданностью, произвести такое сильное впечатление, при котором загорелся бы дух, захватило сердце.

Но бывает и так, как сказано выше, что отрицательное настроение приходит по совершенно непонятным причинам, наступает какая-то такая апатия и безразличное состояние, что вывести из них войска очень трудно. Чаще всего это бывает после крайнего переутомления, после ряда неудачных боев, отхода и полной потери веры в успех и в начальника. В таких случаях решительные конные бои немислимы.

Из всего изложенного видно, что управлять боем это действительно значит — знать психику и настроение своих войск, уметь доводить последнее до экстаза, до опьянения и комбинируя их с данным л позицией, с живыми и техническими силами, вести их к победе.

Печать о „Вольном Казачестве“.

В январско-февральской книжке парижского журнала „France Orient“ (№61, 1928) напечатана статья Д-ра N. В. на французском языке под названием „Вольное Казачество“ (*Les cosaques libres*), посвященная первым номерам нашего журнала. Приводим ее ниже в выдержках, как характеристику того отношения и оценки какие встретило „В. К.“ в иностранной прессе.

— Мы должны отметить чрезвычайно интересное явление в журнальном мире Восточной Европы, начинает свою статью автор. Говорим о журнале, издаваемом в Праге на русском языке казаками Дона и Кубани...

Журнал этот, носящий название „В. К.“, требует полной самостоятельности областей Дона и Кубани, пропагандирует союз с Украиной и республиками Кавказа...

Казаки Дона и Кубани искони были военными братствами, сохраняя свою древнюю организацию и социальные обычаи даже и под царским режимом. Области Дона и Кубани были поделены на военные колонии — станицы; все дела решались на общих собраниях, а во главе обеих стран стояли Атаманы...

Уже во время революции наметились слабые сепаратистические течения среди казаков, которые, с одной стороны, не хотели подчиниться требованиям торжествующей демократии, стремившейся отнять у них воспоминания о их прош-

лом; с другой стороны, они почувствовали себя свободными от присяги перед упавшим тронном...

Сепаратизм, который мы здесь отмечаем, медленно приобретал своих последователей среди казаков русского происхождения; но казаки — украинцы по происхождению, каким было большинство на Кубани, усваивали его легче...

Скрытый сепаратизм донских казаков, которые задолго до революции настаивали на объявлении о том, что Дон — не Россия, хотя царь и был сувереном Дона и России, — укреплялся более и более.

Хотя переговоры, которые в 1921 году усердно велись в Константинополе между украинским правительством и Атаманами Дона, Кубани и Терека, не дали ожидавшихся результатов, все же и тогда уже было видно, что от соприкосновения с реальностью и с западной цивилизацией самостоятельные стремления явственно растут.

Страна легендарных Роксолан, страна Великого Дона; огромные степи Кубани, куда Екатерина II сослала непокорных запорожских казаков; русские аванпосты на Кавказе на берегах Терека, — все они стали отходить от России, благодаря русскому большевизму и возрождающимся воспоминаниям о былой свободе...

... Появление журнала „В. К.“, органа, посвященного защите интересов казачьих областей ... свидетельствует о победе пропагандистов сепаратистического движения, а также и об их силе...

Международная жизнь.

Польские выборы.

(Письмо из Варшавы).

Как вам известно, 4 и 11 марта состоялись в Польше парламентские выборы. Выборы в парламент вообще — важное событие в политической жизни современных народов, но мартовские польские выборы в сейм и в сенат были явлением совершенно исключительным в жизни польского государства. Дело шло не о том, какая партия или коалиция партий станет у власти после выборов. Решался вопрос о стабилизации всех политических и государственных отношений в молодой республике, о том, каким путем намерен идти в будущем польский народ: путем ли реакционно-клерикальной анархии, по которому повели было Польшу

ослепленные старыми воспоминаниями и современными успехами, ничего не забывшие и ничему не выучившиеся национальные шовинисты, или обще-европейским демократическим путем, указанным Польше около двух лет тому назад маршалом Пилсудским.

Выступление марш. Пилсудского в мае месяце 1926 года было плохо понято и неправильно расценено людьми, не знающими польской жизни и не знакомыми с историей польского государства. Выступление это сравнивалось то с военными провозглашениями в Испании и Португалии, то с фашистским переворотом в Италии, то, наконец, просто с революцией диктаторского по-

рядка; во всяком случае — видели в нем нелегальный акт, противозаконное выступление одной политической группы против другой. И с тем большим удивлением наблюдали потом в Европе затем, что этот человек, взявший с бою в свои руки всю полноту государственного авторитета, не стал ни диктатором, ни президентом и только долгое время спустя после переворота (по принуждению!) принял на себя обязанности главы кабинета министров, ответственного перед тем самым парламентом, против которого он выступил с оружием в руках, и состав которого в продолжении двух лет после переворота оставался неизменным как персонально, так и политически. Ни террора, ни казней, ни даже военного или какого-либо исключительного положения в стране, а вместо них — систематическое очищение государственного аппарата от реакционных элементов и такое же систематическое оздоровление всех социальных, общественных и экономических отношений в стране. И, наконец, — парламентские выборы в определенный прежним законом срок, по старому выборному закону, — легальное обращение к населению, которое должно было свободно высказаться: хочет ли оно возвратиться к прежнему положению или легализовать и утвердить установленный переворотом порядок государственной жизни.

Результаты вам известны из газет. Старая клерикально-националистическая коалиция разбита на голову, потерявши на выборах в сейм около трех четвертей принадлежавших ей мандатов; на выборах в сенат — еще того больше, а образовавшийся незадолго до выборов беспартийный блок сотрудничества с правительством марш. Пилсудского занял по количеству мандатов первое место среди конкурирующих политических групп как на сеймовых, так и на сенатских выборах. Население решительно осудило методы реакционной анархии, порвало с прошлым, произвело легальный переворот, предугаданный марш. Пилсудским два года на-

зад, стабилизировало на будущее демократические линии польской политики.

Майское выступление марш. Пилсудского нельзя поэтому считать революцией диктаторского порядка. Есть в его выступлении, правда, некая общая черта (скорее внешняя) с иберийскими пронунциаменто и с фактическим переворотом. Военные пронунциаменто типичны для исторической национальной психологии народов Пиринейского полуострова; фашизм носит на себе все черты возрождающегося в наши дни исторического латинского цезаризма; точно также и выступление марш. Пилсудского воскрешает исторические традиции польских конфедераций. Разница между ними, однако, глубокая и существенная. Возраждавшаяся историческая традиция латинских стран повлекла за собою упадок политической жизни, ее возврат к изжитым давно допарламентским и додемократическим формам. Воскресшая же польская традиция не принесла с собою ничего из изжитых исторических форм, а наоборот, своим появлением утвердила современный парламентаризм и современную демократическую структуру политической и государственной жизни. Поэтому, — как это ни парадоксально для посторонних наблюдателей, — польские события с мая 1926 по март 1928 года польским политическим мнением восприняты, как акты легальные и оправданные. Легальны они потому, что основаны на глубоком чувстве исторической традиции и на искреннем стремлении к национальному благу; оправданы они выборами 4 и 11 марта.

Так должно оценить изложенные события в общегосударственной польской перспективе. О том какие последствия повлечет это за собою в области национальных взаимоотношений, говорить сейчас было бы преждевременным. Одно можно сказать с уверенностью: национальностям польской республики будет легче жить, чем жилось им до мая 1926 года.

М. А-ов.

Казачья эмиграция.

Праздник независимости Кубани.

26-го февраля в Праге, по почину Общества Кубанцев в ЧСР, состоялось празднование десятилетнего юбилея провозглашения Законодательной Радой Кубанской Народной Республики.

Вместительный зал ресторана „Колхида“ был полон приглашенными гостями, их семьями и членами Общества.

Полуофициальная часть вечера была открыта приветственной речью проф. Ф. А. Щербины. В ней он подчеркивал важность переживаемого человечеством социологическо-исторического процесса и необходимость створиться кубанцам, украинцам и иным национальностям, представленным на вечере, для осуществления тех принципов, на которых строится современная национальная жизнь.

Идеалом соглашения может быть идеал общеславянский, основой же государственного строительства должен быть единичный пример Чехословакии, сумевшей построить свое бытие на двух идеалах: культурном и национальном. Кубань тесно связана со своими соседями, но следует всегда помнить, что „без старшей сестры — Украины мы не сможем отбиться от противников; когда она станет на ноги, станем и мы“.

Центральную часть программы вечера составлял доклад б. председателя кубанского правительства, проф. Л. Л. Быча.

Провозглашение Кубанской независимой республики являлось логическим завершением всего процесса революционных событий, захвативших Россию и наш Край. Кубань не могла быть одиноким мирным островком среди кипящего океана революции.

На долю первого кубанского правительства (Войскового Пр-ва) выпала тяжелая задача примирить все-

возможные противоречия кубанской жизни и, главное, взаимоотношения населения.

Успех был достигнут к осени 1917 г. и в результате его было собрано „Кубанское Учредительное Собрание“ — Краевая Рада, представлявшая не только все казачье-горско-крестьянское коренное население, но и фронтные части, а потом и „переходовый“ иногородний элемент.

Рада санкционировала непризнание Кубанским Правительством Совета Народных Комиссаров, а в декабре 1917 года провозгласила, что вся „суверенная власть на территории Края принадлежит Краевой Раде и поставленным ею органам“.

В этот момент на Кубани имелись все элементы государственной жизни: народ, территория и органы независимого управления.

Необходим был еще правовой акт утверждающий эту независимость.

10-го января 1918 г. сошлась очередная сессия Законодательной Рады (парламент), составленной поровну от казаков и иногородних и 8 представителей от черкесских племен. З. Рада становилась суверенной, неограниченной властью, она должна была творить законы и 28-го января приняла почти без изменений представленный ей Правительством законопроект, которым провозглашалась суверенная Кубанская Народная Республика.

Это был единодушный акт представителей всего населения — казаков, горцев, украинцев, великороссов. Он должен был дать новый стимул для борьбы и защиты Края.

Край был уже разрезан большевиками, иногородние не сдержали своего слова и пошли за врагами Кубани, но Акт провозглашения Независимости был и за него боролись и гибли лучшие сыны Кубани дома и на

фронте — погиб председатель Рады Рябовол, гибли члены Рады и рядовые граждане.

Борьба Кубани за Независимость кончилась в 1920 г. неудачно, ее включили в состав РСФСР. Присоединили не к Украине, а к Москве из соображений материальных выгод.

Следует ли и далее воспитывать идею самостийности? спрашивает докладчик. Следует ли воспитывать идею присоединения к какой либо державе? И дает ответ в последующем изложении.

В дальнейшем России такой, какую она была, не будет, а будет целый ряд государств. Украина, Москва (Россия), есть концепция Кавказской республики, в которой Кубань была бы штатом. Если Кубань откажется от старой концепции самостийности, то станет вопросом о ее вхождении в одну из держав.

Опыт прошлого и настоящего показали, что Россия и РСФСР всегда стремились к использованию Кубани, как колонии в интересах центра; режим Деникина тоже проявлял такое стремление.

Демократические российские течения, не желают предоставить Кубани права на федерацию, как максимум она может иметь автономию на манер земской, при которой потребности украинского населения, конечно не будут удовлетворяться.

„Нет нужды творить особой Казачьей Нации, разделение на Нации произошло ранее“, говорит докладчик, не считаясь, очевидно, с действительностью.

„Главная Нация на Кубани украинцы — 60%/, потом великороссы“...

Больше надежд на сохранение всего дало бы вхождение Кубани в Кавказскую республику. Этот акт был бы добровольным, добрые отношения с кавказцами были.

Но разность культур, языков, обычаев и т. д. дает основание сомневаться в возможности создать единое, крепкое государство из всех этих народов. В государствах, составленных из двух, трех наций, происходят трения, а Кубань сильно отличается от Кавказских народов. С трудом можно допустить вхождение Кубани, как штата, в Кавказскую федеративную республику.

Остается Соборная Украина. Кубань может или сберець независимость, или войти в более тесную государственную связь с нею.

Украина не имела агрессивных намерений по отношению к Кубани. В 1919 г. правительство Укр. Нар. Респ. на Мирной конференции упомянуло, что Кубань есть Украинскою, но т. к. она самостийна, то правительство не настаивает на ее присоединении, надеясь на добровольное соединение современем; включение Кубани в Украину силой оккупации исключалось.

Москва не желает выпустить Кубани из своих щупальцев — Край богатый изнемогает, делается нищенским. Некоторые украинцы к судьбе Кубани проявляют безразличие, но Украина имеет на Кубани свои интересы: ее связывают вопросы экономические; политический момент — требует объединения присоединением, ибо тяжело освободиться самой; в военном отношении присоединение Кубани усилило бы Украину, но стратегически — поскольку Дон и далее будет в единой и неделимой России, такое решение является весьма неблагоприятным.

Требуют присоединения и культурно-национальные интересы, т. к. полный прогресс может развиваться только в собранных вместе нациях, иначе они осуждены на ассимиляцию народом Господином.

Если бы ходом истории Кубань и Украина были объединены, то оно представляется в виде соединения одной республики с другою, на основах сохранения внутренней автономии, т. е. федерации; этого требуют кубанские особенности. Докладчик предполагает, что Галиция и Крым тоже войдут штатами, а не как интегральные области, в Соборную Украину.

Вопрос о присоединении вырешит Кубанская Рада, а санкционирует высший орган Украины.

„Хай живе Кубань! Слава Україні“, заканчивает докладчик свои выводы.

Далее следовали приветствия. Бывший украинский посол на Дону, а потом в ЧСР. проф. Словинский в

телеграмме высказал уверенность, что 11-ю годовщину кубанской республики будем праздновать дома... „так мусить бути, бо сонце йде и день веде. Слава Кубани, сестрі України“.

Глава Цесуса (Центр. союз укр. студ.) пожелал, чтобы праздник послужил делу борьбы за Соборность Украины.

Приветствует Кубань и представитель армянского студенческого союза в ЧСР. от себя и от имени Грузинского студ. союза.

„Слава независимой Кубанской республике!“ говорят армяне.

„Каумарджос Кубанис република“, провозглашают грузины.

В красивой лирической, полной патетического пафоса, речи представителя грузинских соц.-федералистов г. Накашидзе вспоминает ликование Грузии, радовавшейся вместе с Кубанью, когда гений Кубанского народа, смело выступившего на арену международной жизни, провозгласил свою державу“.

Г. Накишидзе заканчивает строфой из № 5 нашего журнала:

„Тим хто у драній свитині
Волю Кубані кує і в чужині,
Хрест сей бажає до смерті нести —
Слава вам, слава!.. і слава, брати!“

Приветствует „Кубанскую национальную республику, которая никогда не забудет своих братьев горцев“ и представитель Горцев Кавказа.

От имени армянских революционеров „Дашнакцутюн“ г. Шах-Назаров опровергает общесложившееся мнение о руссофильстве армян и говорит, что его народ уже семь лет как восстал против красного империализма.

„Скромные, но реальные свои силы присоединим к вашим и будем воевать за самостоятельность.“

Слава Кубани! Слава Кубанскому свободному народу! Да здравствует независимость угнетенных народов“!.

Галичанин г. Бойко, делегат „Проводу украинских националистов“ (фашистов) провозглашает словами поэта Франко одну Украину Соборную „від Кубані до Карпат“.

Г. Айолло, от имени грузинской соц.-дем. организации, завидует Украине, которая „получает огромную богатую территорию, на которой живет прекрасный народ, являющийся форпостом Украины“.

О Кубани он думал, как о „Швейцарии Востока Европы“.

Профессор Антонович говорит „два слова з иншого фронту — культурного, на якому українці рিশучо перемогли“ (победили). Вспоминает первых кубанских культурных работников писателей и историков: генерала Кухаренко, Мову-Лиманского, Попко, Короленка, Ф. А. Щербину; отдает должное Степану Эростову, кубанцу, бывшему председателем Всеукраинского конгресса в 1917 г. и выражает уверенность что возгласами „Хай живе Вильна незалежна Кубань! Хай живе Украина!“ будут заканчиваться все подобные вечеринки.

Праздник Кубанской Независимости есть и нашим праздником казаков-самостийников, праздником казачьего народа.

Мы разделяем чувства и украинцев и кавказцев говоривших прекрасные слова, но не можем не дополнить их предостережением кубанских оптимистов — не будет Вольной Кубани без Вольного Казачества и не осуществляется мечты об освобождении, если все Казачество Предкавказья не объединится.

Кубанцы, молчащие о Казачестве и исключющие его из государственной системы, строят будущее Кубани на зыбком песке.

По Болгарии. Казаки-учащиеся.

Занятия поглощают большую часть времени, потому что программы средне-учебных заведений с каждым годом становятся все более обширными. Жизнь требует от нашей молодежи более серьезную подготовку,

а поэтому приходится прикладывать все усилия, чтобы не оказаться за бортом быстро бегущего корабля.

Большинство молодежи, благодаря современным жизненным условиям, занята мечтой только о „бумажке“, дающей „права“ (а в сущности — $\frac{1}{10}$ всей массы учащихся не дающей абсолютно ничего) и о будущем „тепличком“ местечке. Проявления духовной жизни отошли в область преданий.

Более энергичны и не лишены веры в светлое будущее — учащиеся казаки. Большим злом в отношении свободы воззрений на жизнь являются некоторые из старых воспитателей, „бывших людей“, которые стали от старости и дряхлости, как своих лет, так и мировоззрений, впадать в крайности: или впадать в детство или в сумасшествие (политическое). В некоторых учебных заведениях молодых казачатам запрещают получать журнал „Вольное Казачество“, который „ведет борьбу против Единой, Великой России и этим развращает русскую молодежь“. Казаки-учащиеся выражают свое негодование по этому поводу, считая, что родной казачий журнал для них не может принести такого вреда, какой приносят „Новое Время“, „Русь“ и др. „единая и неделимая“ пресса, величающая казаков и в глаза и за глаза „ворами“, „предателями“ и пр.

Повидимому люди, в руках которых находится воспитание современной молодежи, не понимают „знамени времени“.

Не дурно было-бы им подумать над словами одного выдающегося русского политического деятеля:

— Россия в будущем должна строиться по казачьему образцу. Россия должна оказачиться*).

Б.

Что было в Белграде 11 и 12 февраля.

— Пушная беда, слабость человеческая; при слабости убеждения — ярмо. Влезут в него люди и волокут чужие дроги до самой смерти. Почему бы кажется, не подумать хорошенько над тем — кто ты и в чем же наконец, твое назначение...

Отслужив панихиду по дорогим покойникам — Атаманам, устроили Белградские казаки вечером 12 февраля трапезу, на которой Представители Вольного Казачества от Белграда и Загреба лицом к лицу столкнулись с „казаками“: Ксюниным, Челищевым, Кизеветером и другими „станичниками“. Полная достоинства, молчаливая фигура Кубанского Войскового Атамана особенно рельефно выделялась на этом фоне эмигрантской общности, делающей политику сегодняшнего дня.

Приветственные речи — все то-же мечтание о Единой-Неделимой с удивительной подробностью о свободном Казачестве в Ней.

В этот знаменательный день началось с того, что группа Донцов со своим выборным, но не утвержденным, представителем Н. Д. Дувакиным отслужила панихиду особо от Кубанцев и Терцев. Трапезы тоже были разные, в разных местах и в разное время, так что ходившие два дня и мирившие обе стороны, Вольные казаки в воскресенье, когда этот мир не был восстановлен, выпили и у одних, у Донцов днем, и у других Кубано-Терцев — вечером.

Своими песнями, стихами, рассказами и Донским казачком понравились, кажется, от Дувакина до Ксюнина и от Челищева до Представителя С.-Х.-Союза К. Г. Булгакова. В конце концов от сбивчивых речей и от прорвавшейся удачи в песнях казаков, и от молитвенно-торжественных Гимнов, исполненных не только хором, но и всеми присутствующими, осталось довольно сложное представление о том, что люди сами не знают чего хотят и что возможно и что невозможно.

Были моменты по истине захватывающие, моменты, в которые казалось, что вот оно нужное живое казачье слово, но горячий речь или тост казак вдруг становился сбивчивой и запутанной в своих мыслях, от казаков, как народа ни мало не усумняйся перелазил на служилую иррегулярную конницу Российской Империи и предлагал выпить за „тесное единение с

Россией“ для повторения тех же предательских опытов над Казачьими Землями.

— Ура родной России, где казаки, как доблестные сыны берегли могущество Великой страны.

От великого до смешного один шаг! Молились мы о Калидине Алексее Максимовиче Войсковом Атамане, и тому подобное, а вот додуматься до того, от чего мы стали „предателями“ никто не смог!

Оказывается, не всегда помогают ошибки в прошлом, но преступление будет тех, кто не откроет казачу глаза. Ведь Алексей Максимович то убил себя потому, что казаки, запутавшись в Российской неразберихе, нахватавшись чужих „хронтовых“ российских идей, перестали быть казаками, потеряли самих себя и за Атаманом не пошли. Зачем же тянуть Войско опять в роковой круг убеждений, не рождающихся в нашей казачьей массе.

С особенной силой подчеркнулась лояльность Вольных казаков во все более и более углубляющейся сейчас розни Донцов и Кубано-Терцев. Вот где слово „Вольный“ сглаживает и „старших“ и „младших“ братьев.

Если же движение казаков-самостийников и считают многие отрицательным и „злым“, то единение в нем казаков всех Войск, Горцев и Украинцев — явление отрадное и замолчать его им прямо невозможно.

На докладе и на трапезе, не упоминая из чувства деликатности имен ораторов, отмечу одну точку. Эта точка „надежда на самовоскрешение Матушки России, говоря иначе, — безидейные слова, беспочвенные грезы бессильных эмигрантов-беженцев.

Помолились... выпили... и разошлись... Ну, и слава Богу, другие и того не сделают.

С. с-а.

Иностранцы о казаках.

(Из английских журналов).

В мартовской книжке английского ежемесячника „The Contemporary Review“ в статье Фреда Етли „Закавказье, его культурное и экономическое развитие“ несколько строк посвящено казачеству, строк полных грубых, заблуждений и ошибок относительно казачества. Ошибки эти, проистекающие у автора рассматриваемой статьи либо по незнанию, либо по причине недоброжелательного отношения его к казачеству, в чрезвычайно грубо-упрощенном виде представляют казачество. К сожалению взгляд, подобный взглядам Етли на казачество широко распространен на Западе, да и не только на Западе.

Прежде всего совершенно непонятно, почему, говоря о Закавказьи и только Закавказьи (Грузии, Армении, Азербейджане, Аджаристане и южной Осетии), автор нашел необходимым говорить о Казачестве. Во вторых, те несколько (по точному подсчету — тринадцать) строчек, которые он посвятил казачеству, кажутся очень детским и беспомощным вздором, и совершенно не заслуживали бы ни малейшего упоминания, если бы они не были помещены в одном из серьезнейших английских журналов, с которым издавна принято очень и очень считаться.

Для осведомления не мешает привести здесь в переводе эти злополучные тринадцать строк.

Вот они:

„Подобно римлянам, русские тоже выслали своих „колонистов“ занять лучшие земли в завоеванных областях. Я говорю здесь о казачьих поселениях из покровительствуемых (favourised) русских крестьян, которые обладали специальными привилегиями и были наделены большими участками наиболее плодородной земли. Таким образом русское правительство „колонизовало“ страну и обеспечило безопасность, — потому что не могло быть общности интересов между привилегированными русскими и отверженными и угнетенными туземцами. Казаки, лишенные всех своих специальных привилегий после революции, были крайними противниками советского правительства; но теперь они кажутся пришедшими к новому положению. Их поселения нельзя смешать с другими. Их хорошо упорядоченные симме-

*) Донск. Летоп. №1.1

трически станицы такой контраст по сравнению с примитивными избенками туземных народов“.

Почитать писания Фреды Етли, так представишь себе, что и „симметрические станицы“ казачьи и „примитивные избенки“ туземных народов сооружались под непосредственным руководством царского правительства, а заранее вычерченными планами отдельно для казаков и отдельно для „туземцев“ в архитектурных отделениях царской канцелярии.

Было бы слишком смешно полемизировать с производителями развесистой клюквы вроде г. Етли. Очень жаль, что солидные английские журналы печатают подобные „шедевры“, но с другой стороны, этого могло бы не быть, если бы казачьи круги не предоставляли информировать Англию о себе г. г. Етли, Струве и прочих Дионео.

Интерес к этому в Англии несомненно есть. Взять хотя бы последний номер „Asiatic Review“, орган англо-азиатского общества. В нем есть уже целый отдел под названием „внутренний Восток“, где помещены две статьи — одна о татарской советской республике, другая о Дагестане. В отличие от „Contemporary Review“, „Asiatic Review“ помещает только статьи в:олне компетентных и сведущих авторов, при чем не связывает их ни „единонедельнической“ точкой зрения, как это делает неизвестно для чего „Slavonic Review“, ни советской платформой, как это в довольно нелепом случае с Фредой Етли произошло с „Contemporary Review“.

М. Мухин.

Брно. Чехословакия.

1-го марта с/г. в помещении читальни *Vysoké školy Zemědělské* в 14½ часов состоялся годичный хуторской Сбор Брненского хутора О. К. С. С.

На повестке дня главнейшим вопросом стояли переборы Хуторского Правления.

Доклады членов старого Правления полностью обрисовали деятельность за истекший период и настроения хуторян. Докладчики отметили некоторое падение интереса к работе правления среди хуторян. Препятствий в своей деятельности правление со стороны станичников не встречало, но и активной помощи было

мало. Помощь хуторянам нежданцам за отсутствием средств не поставлена удовлетворительно. Устроен был по желанию прошлого Сбора Казачий концерт-бал. Материальные расходы на устройство концерта-бала продажей билетов не возместились. Организован постоянный Казачий Хор под управлением П. Г. Жердева.

Сбор принял доклад правления и ревизионной комиссии к сведению, работа признана удовлетворительной и Хуторской Сбор выразил благодарность исполнительному органу.

Выборы Нового Правления Сбором постановлено по традиции произвести путем референдума. Организация выборов такова: в течении 5-ти дней референдная комиссия принимает кандидатские списки и в следующие 7 дней производит выборы.

В наступающий момент реф. комиссия приступила к работе. Список кандидатов закрыт и имеет такое заповление:

Правление:

Атаман хутора: Б. В. Ермольев; помощники Атам.: Ф. Н. Леонтьев, П. А. Каргальский, Б. С. Попов; казначей В. Ф. Касьянов; писарь: А. Н. Подтымченков.

Ревиз. комиссия:

И. Д. Ткаченко, К. К. Поляков, А. А. Асеев, М. Еремин.

Е. Г.

Белград. С. — Н. — С.

В казачьей студенческой станице в Белграде насчитывающей свыше 70 членов 8-го с. марта были произведены переборы правления. Новое правление избрано: Атаман станицы — Павел Поляков, помощник — Степан Таларный, писарь — Борис Кундрюцков, казначей — Иван Фастунов. Председ. ревиз. комиссии — Е. Залозный.

Болгария. София.

На годичном станичном сборе, 19 с. февраля, избрано правление следующего состава: Атаман станицы — Мих. Ареф. Петров, помощники — Ив. М. Пемков и Гр. П. Дошечников.

В Казачьих Землях.

С займом плохо.

Кампания по реализации „займа укрепления крестьянского хозяйства“ на Сев. Кавказе, как сообщает начальн. Краев. финансов. управления Левитт, проходит с совершенно недостаточным темпом. „Основная причина — беспспорно слабая организация общественного мнения вокруг вопроса о займе“. Окружные и районные комиссии содействия займу по целому ряду округов работают весьма слабо и даже совершенно бездействуют (Вешенский, Донецкий, Осетия).

„Красное Черноморье“ сообщает, что „об общей картине распространения займа сказать ничего нельзя. И только потому, что районные организации до сих пор не прислали своих сводок. Неприсылка сводок и хотя бы их задержка прямо говорит, что работники не поняли важность займа“.

Данные за вторую пятидневку февраля о реализации „займа укрепления крестьянского хозяйства“ по Краю нельзя признать удовлетворительными: 14% намеченной к реализации суммы или кругло 2,962 т. руб. являются совершенно недостаточными и совершенно не дают большевикам уверенности, что 80% всего плана реализации займа по Краю будут выполнены к 20 марта, как это решил Президиум Крайисполкома. Решение об ускорении сроков сбора принято, кроме многих тактических соображений, в связи с тем, что скоро в Крае начнется посевная кампания, и совершенно ясно, что земледелец, занятый в поле, окончательно откажется от реализации займа.

Последнее заседание большого президиума Крайисполкома, совместно с Краевым комитетом содействия распространению займа заслушав сообщения, а также подробные доклады Армавирского, Таганрогского и Черноморского округов, весьма резко реагировало на это обстоятельство. В частности, Армавирский округ, по мощности своей стоящий на третьем месте в Крае, в деле реализации займа оказался на самом последнем месте, — он выполнил всего только 4% намеченной к распространению суммы.

Большой Президиум Крайисполкома, признавая работу по реализации займа укрепления крестьянского хозяйства в Таганрогском округе неудовлетворительной решил „поставить на вид“ президиуму Таганрогского округ. исполкома и объявить выговор завед. округ. фин. отдела Передерню.

В отношении кампании в Армавирском округе большой президиум постановил: „Констатируя чрезвычайно слабый темп развертывания кампании по реализации займа укрепления крестьянского хозяйства“ в Армавирском округе и недостаточное вовлечение в кампанию общественных сил и комитетов содействия, признать работу Армавирского окрисполкома по реализации займа неудовлетворительной и объявить председателю Армавирского окрисполкома Цепкову выговор. За неудовлетворительную работу по проведению кампании по реализации займа предложить Краев. фин. управлению снять с работы заведующего Армавирским округом Петухова“.

У большевиков наблюдается тенденция провести кампанию займа по линии наименьшего сопротивления

— в административном порядке, случаи этого не единичны.

Итоги последней пятидневки займа на Дону показывают быстрое падение темпа. Так, в одном из районов (Ейском, причисл. к Дон. округу) начиная с первых чисел февраля, из пятидневки в пятидневку сокращаются суммы поступлений по займу. Первая пятидневка февраля дала 30.930 руб., вторая — 18.995 руб., третья (с 10 по 16 февр.) — 13.830 руб.

Учитывая слабое распространение займа Крайисполком и Краевой комитет содействия займу признали необходимым поставить перед центром вопрос о перенесении сроков первого тиража займа на июнь и июль текущего года с тем, чтобы второй тираж произвести в октябре этого же года.

Как распространяется заем:

Кабар. Балкар.	53.3%	Таганрогск.	13.1 %
Чечня	52.2 „	Шахтинск.	12.2 „
Владикавказ	44.1 „	Ингушетия	12.1 „
Ставрополь	39.3 „	Сальск.	11.6 „
Грозненский	22.3 „	Адыгея	11.2 „
Черкессия	21.7 „	Донецк.	9.7 „
Терек	20.1 „	Кубань	7.2 „
Черноморье	18.2 „	Сунжа	5.8 „
Дон	17.5 „	Осетия	5.1 „
Майкопск.	15.1 „	Армавир	4.08 „
Карачай	14.9%	Среднее по Краю	14% ⁰

„Молот“ (1955, 1957, 1961, 1962, 1966, 1967).

Украинская литературная жизнь на Северном Кавказе.

Писатели нацменьшинств.

„К данному времени выявились и имеются в Крае писатели нацменьшинств — армяне и украинцы. Нам удалось от работника краевой украинской „Червоной Газеты“ тов. Луценко получить следующие сведения:

Украинская литература на Северном Кавказе почти не имеет своей истории. До 1924 г. никто на Кубани не сознавался в симпатиях к украинской литературе. Стыдились указывать на украинское происхождение. Читать украинские книги почти считалось зазорным, особенно в станице.

До краевого совещания по работе среди казачества, „национальный“ вопрос стоял не совсем четко и никаких, естественно, организаций литературных украинских не было.

Но тяга к литературе была. Украинский книжный магазин в Краснодаре торговал и не плохо, школы украинские продолжали существовать.

В сентябре 1925 г. в Краснодаре была организована группа начинающих писателей „СИМ“ („Село и Місто“).

Украинское студенчество, служащие и некоторые рабочие охотно бывали на собраниях СИМ'а. Эта организация пользовалась указаниями из своего ЦК (в Москве) и имела свой устав.

Бюро этой группы объявило себя краевым и начало объединять вокруг себя кружки и одиночек литераторов. В результате работы зимой 1925/26 гг. на Кубани имелись группы (так наз. „студії“) в станицах — Полтавской, Ново-Мышастовской, Новокорсунской, Динской, на рабфаке имени Ильича в Краснодаре и в клубе нацмен. в Краснодаре. Одиночки были в Майкопе, в Новороссийске, Анапе, Пластуновской, в Кореновской (потом там организовалась студия).

Бюро получало на отзыв рукописи от всех организаций. Это было в большинстве случаев ученические произведения. Начался период учебы — изучалась грамматика, язык вообще, теория и т. д.

Много присылалось политически негодного (не грамотного). Лейтмотивом большинства произведений было — „воля казачья, черные силы деникинщины давят (давили) эту волю, вешали и высылали избранных“ и т. д.

Выявились более или менее определившиеся: Проминь, Баклаженко, Луценко, Дубок (Краснодар), Чайка (Полтавская) Иващенко и Журба (Ново-Мышастовская) и другие.

И бюро СИМ'а и студии группировались вокруг украинского печатного органа „Радянський Станичник“, сейчас же тянутся к „Червоний Газете“.

Рабселькория шлет бесконечно много материала в редакцию, просит отзыва, хочет учебы.

Но ЦК СИМ'а развалился, не руководит. Его издательская деятельность прекратилась. Сейчас в РСФСР нет организации, которая руководила бы писателями Сев. Кавказа — украинцами.

Стоит вопрос о вхождении украинцев в Скапп (Сев. Кавк. — соц. пролет. письм.), ибо на Украине есть мощные рабочие и крестьянские писательские группы.

Сейчас энергично ведут работу „студийную“: 2 кружка в Краснодаре, 1 — в Полтавской, 1 — в Н. Мышастовской, 1 — в Ново-Корсунской.

Общей бедой всех нацменьшинских писателей является почти полное отсутствие возможностей печататься. Правда, кое-что печатается в газетах: „Мурч“, „Манчак“ и „Червона Газета“, но этого слишком недостаточно (из статьи В. Ставского „Национальные писатели Северного Кавказа“ — „Октябрь“, 1927, № 8, стр. 163—167).

На Кубани.

(Из письма).

Получила Ваше письмо, очень благодарна за память и подарок.. Теперь я сделаю себе совершенно необходимые приобретения — пару рубак и пару полотенец. Вы только не смейтесь, я не умею рассказать, как это случается, я все учитывала копейки, купала очень скромно, а все же не могли приобрести простейших необходимых вещей; у дочери больше трех перемен белья не бывало, а у меня двух, а полотенце, наволочек и пр. и совсем ни разу не покупали, ну и дождалась, что все разлезлось.

Укажу некоторые цены по нашему: мясо по дешевле 25 коп., также баранина и свинина; масло коровье свежее и топленое 1 р. — 1 р. 20, летом постное доходило до 45 коп., все фунты, фунты, а не кила. В кооперативных лавках можно было бы дешевле иметь, но надо было состоять членом пайщиком, при чем масло продавалось в одном помещении с керосином и одним лицом, так что и масло отдавало керосином, лучше было совсем отказаться.

Рыбы совсем не покупаю, она в одной цене с мясом. Яйца 75 — 90 коп., десяток, а перед праздниками доходило до 1 р. 50 коп., песок сахар фунт 25 коп., кусковой 29 — 30 коп., молоко 15 коп. бутылка.

Птица совсем дорога, особенно перед праздником и теперь: гусь плохенький 1 р. 80, чуть получше 2 р. 20 — 2 р. 50, утка 1 р. 20 — 1 р. 50, индейка 2 р. 50 — 3 р., и т. д.

А о материях и говорить нечего: полотно и батист 1 р. 50 метр и дороже, что то бумажное похуже 80 — 90 коп., бязь — 60-62 коп. метр (8-10-12 коп. была) и теперь о бязи мечтают, как о недостижимой, потому чтобы получить ее надо иметь членскую книжку, а пай 10 р. где взять? Да и пайщикам в 3 месяца дают 6-7 метров бельевого материала вообще, а к чужой книжке не пристроиться, всякий себе старается запастись, потому что материалы вырабатываются скверные и скоро рвутся.

Дочка вышла замуж, и осталась теперь я сама. Ее письмо дышет смутой, все таки мало знает человека, да и нравы, вообще, у нас пошли очень легкие: в женитьбе тоже как и в службе не поручишься за завтрашний день.

Я и к дочери не собираюсь переселяться. Так много пришлось видеть за это время подлого отношения не только зятьев, а и детей к родителям, что я сидеть на шее у зятя не хочу. Письма мало пишу, боюсь, что могу подвести перелипской зятю или сыну под „алименты“, которых вы никак не разберете, — не знаю и сама, что получится из моей жизни.

У нас, как на грех, вся зима прошла и идет сурово, а последние дни еще был сильный снежный буран, повыврастали в городе снежные стены, я больше недели носа не показывала во двор. Сегодня начало таять и теперь, верно, будет половодье.

ПОЧТОВЫЙ ЯЩИК

журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“.

Австрия. Вена. — К. Л. — Бажане Ваше виконане.
Англия. — Лондон. — „S.R.“ — Ваше пожелание охотно исполняем.

Болгария. — Горна — Ореховица. — З. — Очень рады, что „все написанное в журнале согласуется с Вашими взглядами“. Вы пишете: „Я всегда считал, считаю и буду считать, что я прежде всего казак“ — целиком с вами согласны. Произведения Ваши получены.

Болгария. — София — А. — Благодарим Вас за хорошее известие. — Пересланная вами заборная литература „Руси“ получена: действительно, если Бог хочет наказать кого, он прежде всего отнимает у него разум. — В одном „сивый мерин“ прав: „Вольное Казачество“ продолжает выходить.

Канада. — Виннипег. — M-r L. — Рады установлению связи. И наши Вам пожелания те-же и так же. Ждем канадских очерков. Казачий поклон вам.

Китай. — Харбин. — M-r V. O. — Листа й доляри одержали. Дякуємо. Просимо поширят думку Вільного Козацтва поміж козаків Далекого Сходу.

Литва. — Б. — Все получено. Просим сообщить Ваш постоянный адрес.

Польша. — Варшава. — С. А. — Шлем привет. Ждем очерки.

Польша. — Августов. — Р. С. — Благодарим Вас и группу за дружеские советы и приветствия. Будем сообщать „поднимать выше знамя Вольного Казачества!“

Польша. — Краков — Я. Б. — Радуемся вместе с Вами, что в „старом краковском театре, на концерте

хора Платова яблоку некуда было упасть“. И что донцы имели „огромный успех“.

Румыния. — Черновицы. — Г. Ф. — Ваша информация получена.

Франция. — Neuilly s Seine. — Пред. Казачьего Клуба. — Спасибо Вам за приветствие. Нас радует отношение казаков к журналу Вольное Казачество“. Для желающих сотрудничать страницы журнала всегда открыты.

Франция. — Rombas. — М. — Шлем Вам дружеский привет. Сообщение Ваше передадим.

Югославия. — Банат. — В. А. — Вашей заметкой о ген. К. Мамонтове воспользуемся. Хорошо было бы, если-б и другие казаки, следуя Вашему примеру, чаще делились своими мыслями с редакцией.

Югославия. — Загреб. — А. П. — Вольное Казачество шлет Вам и всем Вашим друзьям свой низкий казачий поклон!

Югославия. — Белград. — М. — „Быкадориаду“ из „Нового Времени“ с Вашим письмом получили. Вы удивляетесь: „Может ли быть что-либо глупее и бездарнее „творчества“ нововременского пииты?! Удивляться не следует: ведь „Новое Время“ всегда было вне конкуренции по пошлости приемов политической борьбы.“

ЧСР. Подк. Русь. — Севлюш. — А. — Большое спасибо Вам и другим нашим соотечественникам за защиту идей Вольного Казачества от нападков „всяких политических зевр“.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬ

журнала „Вольное Казачество — Вільне Козацтво“

В ЮГОСЛАВИИ:

ПАВЕЛ ПОЛЯКОВ. Студеничка, 17, Белград.

Розничная продажа журнала:

В Париже: Jacques Povolozky et Cie, Editeurs, 13, Rue Bonaparte, Paris VI.

В Праге: Чешско-русско-украинский книжный магазин
F. Svoboda, Václavské nám., 57.

В магазине имеются русские и украинские книги заграничных и советских изданий.

Розыски.

Илью Афангеловича Швечикова, Гавриила Ивановича Бурханова, г. Бодрухина (офицеры 5 Донского Казачьего Ат. Платова полка) разыскивает сослуживец Петр Иванович Медведев. Письма адресовать на редакцию „В. К.“

Лиц знающих адрес Степана Ильича Артемова (бывш. солиста Донского „Жаровского“ хора) прошу сообщить Мих. Прокоп. Соловьеву. Brno, Zbovžeská 6/II, Mich. Solovjev, absolvent techniky.

Лиц, знающих о местожительстве или судьбе ген. Л.-Гв. Ат. полка АЛЕКСЕЯ ГЕОРГИЕВИЧА РУБАШКИНА, а также СТЕПАНА КОНДРАШЕВА и ИВАНА ЗЕМЛЯНУХИНА — станицы Верхне-Курмоярской, прошу сообщить по адресу: S. Kotelnikov, русский барак, Bratislava. C. S. R.

Лиц, знающих о местожительстве или судьбе полковника 18 Георгиевского Донского Казачьего полка Н. Ханжонкова (уроженец ст. Новониколаевской), а также полковника Ив. Козлова просят сообщить по адресу:

К. Николаеву. Русская гимназия, Шумен, Bulgaria.

Николая Трубникова, бывш. кадета Донского корпуса, Василия Фролова, уехавшего из Чехословакии во Францию и Семена Персидского, казака В. Д. ст. Цымлянкой прошу откликнуться по адресу:

А. Персидскому. Cihlařská č. 21. Brno. Tchecoslovaquie.

Генерала Сыся Капитоновича Бородина, или лиц знающих его местопребывание, знакомые просят сообщить адрес в редакцию „Вольного Казачества“.

Лиц, знающих о судьбе или местонахождении Михаила Алимпиевича Парамонова, бывшего в гражданскую войну командиром отряда при окружном управлении станицы Нижне-Чирской Донского Войска.

А также прошу откликнуться казаков станицы Суворовской.

Адрес: Иван Парамонов. Русская гимназия, Шумен, Bulgaria.

Адреса:

1. Казака ст. Черноярской Василия А. Тугуева, окончившего Лазаревский институт восточных языков. —
2. Кубанца г. Пивня (Мартина Забигаило) — находящихся в Сербии, просят сообщить в редакцию „Вольное Казачество“.

СЛАВЯНСКОЕ ОТДѢЛЕНИЕ

при

knihtiskárně

FRANTIŠEK VONKA

Praha-Smíchov, Duškova u. č. 11. Tel. 405-2-1

Tchécoslovaquie.

Всякаго рода типографскія работы
выполняются дешево и аккуратно
на всѣх славянских языках.